5834296

تورکمه‌نستانی اوکره‌نیش

تورکمه‌نستان مه‌رکه‌زی ایجراییه تامته‌تی یانیندا اولکه تاریخی
اوکره‌نیش قامسه تینك آیدا برکه‌زه‌ك چیقاریان

جورنالی

1-й экз.

№1

СЕНТЯБРЬ 1927 г.

АШХАБАД

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КОМИТЕТА
ПРИ ТУРКМЕНЦИКЕ

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ

ТУРКМЕНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Десять лет тому назад в Туркмении

Караш хан оглы Иомудский

ОТ РЕДАКЦИИ

Кратким очерком Карашхан оглы Иомудского мы открываем публикацию целой серии очерков, статей и материалов на тему „Туркмены и революция".

Помещая очерк т. Иомудского, редакция оговаривается, что не может согласиться с автором в его толковании причин и следствий событий 1916—1919 годов „Случайности", „Интриги отдельных лиц" и опять „Случайности" занимают слишком видное место в очерке Караш хан оглы при об'яснении тех или иных крупнейших явлений социального порядка.

Однако, очерк Иомудского представляет большой интерес во первых, потому, что он является первой попыткой связного изложения революционных событий в Туркмении, во вторых, по фактическому материалу, излагаемому в очерке и в третьих потому, что очерк является записью одного из активных участников - туркмен в событиях 1917 г.

Редакция по техническим причинам вынуждена была разбить очерк на две равные по об'ему части. В данном номере помещаются две главы „Подготовка туркмен к восприятию революции" и „Февральская революция" до перелома в настроениях. В следующем номере будут даны три главы „Июль 1917 г." —переломный момент, 1918 год" и 1919 год".

Редакция просит всех участников, современников или очевидцев 1916 г., 1917 и 1918 годов в Туркмении откликнуться на очерк Карашхан оглы Иомудского, присылкой своих материалов или замечаний по вопросам, затронутым в очерке.

РЕДАКЦИЯ

I.

ПОДГОТОВКА ТУРКМЕН К ВОСПРИЯТИЮ РЕВОЛЮЦИИ.

1-е выступление Джунаида. Карательная экспедиция Галкина. Мобилизация туземного населения на тыловые работы. „Беспорядки" 1916 г. —Деятельность полк. Иванова. „Восстание иомудов". Экспедиция Мадритова. - Падение ореола „Белого Царя".

В конце 1916 года мировая война в полном разгаре; Европа клокочет и в разных местах ее человеческая кровь льется потоками; на внешнем фронте Россия переживает неудачи, а внутри ее растет негодование, назревают события в мировом масштабе и чувствуется близость грозы, что вносит огромную тревогу среди правящих кругов.

Туркмены, всегда стоявшие в царской России в стороне от политической и государственной жизни, продолжают спокойно кочевать по своим пустынным степям и обрабатывать свои скромные поливные поля, как бы не чувствуя, что на западе—во внутренней России творится нечто великое и народный гнев достиг такого напряжения, что час расплаты для правителей становится близким и неизбежным.

О том, „что не все спокойно и благополучно", жители степей Туркестана знают только по падению рубля, по все возрастающей дороговизне и недостатку мануфактуры, сахара, хлеба и вообще предметов первой необходимости.

Противоречивые и смутные вести туркменам „из России" привозят изредка их сородичи—всадники Туркменского конного полка, посланного на западный фронт еще в 1914 году.

В Туркестане внешне все спокойно, а высшая администрация края проводит жизнь весело и шумно, развлекаясь балами, театрами, парадными обедами, вечеринками и проводами.

Война, денег много; благотворительные вечера, лотереи, сборы подарков воинам, концерты „военно-пленных"—следуют одни за другими и дают возможность „дамам света и аристократии" проявлять свой патриотизм, выслуживаться и, в то же время, заполнять пустоту своей жизни.

Как ни мирно в Туркестане, но предвестники бури начинают залетать и на эту далекую окраину, в глухие степи, не говоря уже о городах, где в кругах трудящихся и партийных группировках имеются, конечно, определенные сведения о „российской и мировой действительности".

С быстротой скаковой лошади туркменские степи облетела весть в 1915 году, что Джунаид, сильный духом и видный туркмен, со своими сородичами и одноплеменниками выступил открыто, с оружием в руках, против гнета и насилий Хивинского хана и его управителей.

Джунаид, во главе конной группы туркмен, дошел до столицы ханства, до самой Хивы, ворвался в город, убил более ненавистных сановников хана, а последнего унизил заставив его коленопреклоненно просить пощады и поцеловать руку Джунаида.

Русские власти взволновались и подняли тревогу, не поняв, что все действия туркмен направлены против гнета и деспотизма хана Хивинского, которого царское правительство не считало нужным обуздывать и сдерживать.

Джунаид поставил в известность русскую власть Туркестана о том, что он не намерен трогать русских и их поселения, но просит—или не вмешиваться в его отношения с Хивинским правительством, с которым он сам расправится, или же ограничить в правах хана, запретить ему чинить насилия над туркменским населением и поставить над ним русского комиссара.

В ответ на это, Туркестанский генерал губернатор отправил в Хиву против Джунаида карательную экспедицию под на-

чальством сыр-дарьинского губернатора, генерала Галкина. Джунаид на этот раз должен был отступить перед превосходящими силами регулярных войск, но в степи этот первый вооруженный протест части туркменского народа против гнета деспотического правительства Хивы, поддерживаемого царской властью, произвел сильное впечатление, всколыхнул массы туркменской степи и оставил глубокий след в воображении и психике населения Средней Азии.

Джунаид со своими соратниками ушел в пески, а затем с небольшой группой всадников перебросился в Афганистан с тем, чтобы в удобный момент продолжать начатое им дело—борьбы с деспотизмом ханского правительства.

В дальнейшем, Джунаид продолжает выполнение своей программы: он возвратился в свои родные пески и, при удобном случае, ворвался в Хиву и на этот раз уже убил самого хана Хивинского и посадил на ханский престол его родного брата, а сам удалился в пески.

Вслед за этим движением туркмен в Хивинском ханстве, назревает в 1916 году новое движение, но уже на территории более обширной: в „коренных областях" самого Туркестана, Семиречья и Закаспийской области и охватившее широкие массы коренного населения—туркмен, узбеков и казаков-киргиз.

Туркестанский генерал губернатор генерал Мартенс выехал в Петроград В это время дела на фронтах России значительно ухудшились, армии отступали внутреннее положение страны было мрачно. Требовались „тыловые рабочие", и это требование не удовлетворялось привозом китайцев из восточной Сибири.

Пользуясь присутствием в Петрограде генерала Мартенса, высшие правительственные круги запросили его—„не представляется ли целесообразным мобилизовать на тыловые работы туземцев Туркестанского края, т. к. это население лояльно, трудолюбиво и всегда отличалось своей покорностью и безропотностью; кроме того, оно не несет жертв по защите империи, не участвуя непосредственно в мировой войне.

Генерал Мартенс легкомысленно и со свойственной ему, как и многим другим владыкам того мира, административной услужливостью и необдуманностью, одобрил эту мысль о привлечении на работы в тыл армии „туземного населения Туркестана."

Был издан краткий приказ и телеграфно дано было распоряжение в Ташкент о немедленной мобилизации туземного населения на „тыловые работы" и об отправке их на западный фронт России.

Во исполнение этого, в 1916 году, от 8 июля, был издан приказ по Туркестанскому генерал-губернаторству:—„о наборе на тыловые работы инородцев Туркестанского края", за подписью помощника командующего войсками и Туркестанского генерал-губернатора Ерофеева. Когда же высочайшим приказом от 22 июля 1916 года Туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал Куропаткин, то он в своем обращении—приказе от 23 июля к населению Туркестанского края определил: взять всего рабочих из Туркестана 220 тысяч человек: Сыр-Дарьинская область—60 тысяч человек, Самаркандская—32 тысячи, Ферганская 51.233 тыс., Семиречинская—43 тыс., Закаспийская около 14 тыс., на кочевников—40 тысяч рабочих.

Туркмен тыловых рабочих приказано было в западную Россию не отправлять, а вооружить и образовать из них тыловую стражу За каждого всадника Туркменского конного полка освобождалось от набора на работы три его родственника. Разрешалось за себя нанимать рабочих по личному соглашению.

Из Ташкента были отданы также краткие и категорические приказания во все области Туркестана о немедленной мобилизации населения.

Было забыто, что коренное население Туркестана, не смотря на длительный период колонизаторской деятельности царского правительства - свыше полвека,—все таки не было органически слито „в единое целое" со всей империей, жило обособленно, своей личной жизнью, своими интересами, будучи только формально „верноподданными Белого Царя", а в сущности „туземцами в колонии" с присущей всем колониям отчужденностью и достаточной враждебностью.

Было забыто, что „туземцы" колониального Туркестана стояли далеко в стороне от политической и внутренней жизни империи, только „подчинялись", но не принимали никакого участия в управлении своей же страной, воинской повинности не несли, из опасения правительства создать среди них обученные кадры и имели много обязанностей, но ни каких прав, кроме одного—право состоять в разряде „диких, темных инородцев" и пользоваться соответствующим презрением у колонизаторов.

Вследствие этой забывчивости, населению не было ничего разъяснено о тыловых работах, о значении и цели их, не было ничего подготовлено, а просто их начали набирать и отправлять куда-то далеко в „холодные страны".

Если принять во внимание, что низшая администрация, начиная с уездной, получив приказ свыше, должна была проявить свое рабское усердие - держась указа „аки слепой стены", знать не знаю, ведать не ведаю, приказано сгонять и набирать", то станет понятно, какой кошмарный оборот приняли эти „набор и отправление на тыловые работы „туркестанских инородцев".

Результаты всего этого сказались немедленно.

Итти „в Россию" на работы никто не хотел и каждый искал возможности уклониться от наряда. Люди состоятельные откупаться, предлагали „взятки"; желающих получать таковые нашлось очен много, так что спрос иногда превышал предложение; брало начальство всех рангов уезда, брали и некоторые врачи.

В некоторых городах и поселениях Туркестана общество хотело отделаться от разного безпокойного элемента, а потому отдельные состоятельные лица и целые общества платили деньги и нанимали за себя всяких бродячих людей (воришек, курильщиков опиума и т. д.) и отдавали их начальству для отправления на тыловые работы. Вокруг этих операций быстро появились посредники, ходатаи, которые наживались на этой „государственной повинности". Начались жалобы, просьбы, волокита и все это тяжело ложилось главным образом, на бедноту, на массы.

В конце концов, взяточничество, злоупотребления, безобразия и вакханалии, творившиеся при операции набора на тыловые работы, вызвали гнев и недовольство населения: одни начали уходить со своими семьями и имуществом за пределы Туркестана, а другие начали проявлять протест и не давать рабочих.

Первые протесты—„беспорядки"—начались в Ташкенте 16 июля 1916 года а затем в Семиречьи, в августе того же года.

Администрация была поражена такой „дерзостью" до этих пор „покорного населения" и приняла решительные меры, часто граничащие с безумием.

Тогда же (1916 г), приказом за № 157 весь Туркестан был об'явлен на „военном положении".

Приказом же воспрещалось кассам железной дороги продавать „туземцам" билеты для переезда по железным дорогам. Всем „туземцам" предписывалось—„отдавать честь" поклоном и вставанием всем русским офицерам и чиновникам.

Ферганский военный губернатор, полковник Иванов, на с'езде уездных начальников, между прочим, говорил им, что—„туземное население никогда не было дружественно настроено к России" и всячески настраивал своих подчиненных уездных начальников и предупреждал их „не доверять туземцам" и быть с ними суровыми.

В Семиречье решили закрыть все проходы в горах и дороги, что бы не допустить перехода кара-киркиз в Кульджинский район через границу с Китаем; казакам и добровольческим отрядам было разрешено стрелять в киргиз и всеми силами задерживать людей и скот.

Начались стычки и столкновения, перешедшие в этих глухих местах в настоящую травлю и облаву на мирное население; это породило панику среди последнего и еще больше усилило бегство кара-киргиз в пределы Китая; поселения, пастбища и все

хозяйства бросались на произвол судьбы, население разорялось и гибло от пуль, голода и погоды, особенно дети и женщины, при чем, в пределах Китая их ожидали еще новые бедствия: от голода они впоследствии вынуждены были продавать женщин и девушек в рабство.

Земли и пастбища ушедшего населения кара-киргиз из Семиречья, отдавались поселенцам и здесь усиленно начали создаваться новые колонии.

В конечном результате, кара-киргизы были окончательно разорены и свыше 50% всего населения погибло окончательно в борьбе за свое спасение.

В областях Самаркандской, Ферганской и других начались волнения и вспышки среди узбекского населения, а вслед за этим и „усмирение".

Война родит героев; народились и здесь герои „усмирения", ярким типом которых явился ферганский губернатор, полковник Иванов, который за свои подвиги в Самаркандской области, в г. Джизаке, был назван—Иванов Джизакский. Он проявлял чудовищные зверства и просто смаковал свои подвиги по усмирению; он не стеснялся потом хвастать тем, что желая „экономить" патроны, он дошел до искусства одной пулей сразу убивать двух, трех людей; при расстрелах он связывал людей по несколько человек в пучки, как вяжут снопы и приказывал в них стрелять и, при этом его изобретении, одна пуля пронизывала сразу несколько человек.

После переворота Иванов-Джизакский бежал в Сибирь и появился на сцене под именем Иванов-Рымин в должности военного министра у адмирала Колчака.

В Закаспийской области, в уездах Мервском и Тедженском часть рабочих удалось набрать без особых столкновений; но набор этот также сопровождался кумовством, взятками, протекционизмом и другими злоупотреблениями.

Иначе дело обстояло в Красноводском уезде. Начальник области, генерал Калмыков, бывший полицеймейстер г. Ташкента, отдал приказ, конечно, также без всякой подготовки и разъяснений, что если туркмены в 3 дня не выставят тыловых рабочих, то к ним будут посланы немедленно карательные отряды, пулеметы и стрелки.

Это приказание быстро разнеслось по аулам, расположенным близ полотна железной дороги. Совершенно случайно в это время из Асхабада на Красноводск были отправлены маршевые батальоны с пулеметами на кавказский фронт.

Увидев на станциях проезжающие батальоны с пулеметами, туркмены-иомуды приняли их за карательные отряды и потому кочевники нашли своевременным откочевать подальше от железной дороги.

Со своими стадами и имуществом они двинулись на юг, к пастбищным местам на Атреке.

Чикишлярский пристав Золотарев, бывший канцелярский служитель, назначенный во время войны, за неимением других, управлять населением, охваченный военным пылом, не отдавая себе отчета в своих поступках, одним своим неразумным действием вызвал целую войну и принес этим населению такие бедствия, что оно и по истечении 10 лет никак не может оправиться от погрома 1916 г., начатого Золотаревым.

Услышав о движении кочевников-иомудов от полотна железной дороги со своими семьями и стадами через пески к р. Атреку, Золотарев из своего Чикишлярского приставства, расположенного в 400 верстах к югу от железной дороги, близ устья Атрека, - донес уездной власти о несуществовавшем „поголовном восстании" иомудов, а затем собрал своих стражников и, убедив пограничную стражу в начавшемся, будто бы восстании, встретил на Атреке мирное кочевое население выстрелами. Затем, неожиданно для всех, без всякого повода и предупреждения, с отрядом пограничной стражи, залпами обстрелял совершенно мирный, полуоседлый аул Беум-Баш, живший всегда на Атреке.

Население аула, непонимавшее причин вооруженного нападения на него и не слышавшее ничего о „наборе рабочих" в стране, начало убегать в степь; однако, видя, что отряд продолжает преследовать его и обстреливать, население вступило с отрядом в перестрелку; об азовался фронт На выручку Беум-башскому посту направились соседние посты пограничной стражи, расположенной по Атреку, а на выручку аулу Беум-Баш пошли соседние аулы. Таким образом, по всей пограничной линии Атрека разгорелся бой и открылись военные действия, которые уже не могли приостановить и прекратить даже разумные начальники отрядов, как например, ротмистр Пожарский, так как никто кроме Золотарева не знал причин возникновения войны, никто ничего не понимал и каждая из сторон винила друг друга в коварном нападении; туркмены были убеждены, что „русские" хотят их истребить, а потому твердо решили защищаться и не поверили бы никаким заверениям, так как первый обстрел мирного аула начат был „русскими" совершенно беспричинно и без повода.

Ротмистр Пожарский, надеясь на свою популярность среди туркмен, как прослуживший очень долго на границе в Туркмении командиром пограничного отряда, выехал для переговоров к туркменам только что обстрелянного аула, но тут же был убит выстрелом, т. к. туркмены никому уже не верили и не знали цели приближения к ним Пожарского.

Это послужило вновь сигналом к повторным донесениям о полном „восстании иомудов" и к посылке карательных отрядов.

Приказом из Ташкента сперва были посланы на Атрек с юга ополченские дружины, находившиеся по случаю мировой войны в Персии возле Астрабада. Туркмены, живущие на Атреке, дали отпор этим небольшим дружинам, находившимся под командой генерала Волковникова и полковника Стржалковского.

Вследствие неудачи этих отрядов, в Ташкенте начали снаряжать весьма крупный экспедиционный отряд численностью до 8 тысяч человек, а в последствии доведенный до пятнадцати тыс. человек.

Отряд этот состоял из всех родов оружия, с автомобилями, телеграфом, интендантством и т д. Начальником этого отряда был назначен небезизвестный авантюрист, Сыр-Дарьинский губернатор, генерал-лейтенант Мадритов, генерального ш аба.

С огромным штабом, музыкой, Мадритов проследовал через Красноводск на пароходах прямо в Персию и на персидском берегу, в урочище Кара Су и острове Ашурада устроил свою базу и штаб. Свиту Мадритова составляли, кроме рядовых работников еще и многочисленные авантюристы и „искатели славы, награды и легкой наживы"; багаж Мадритова заключал в себе огромное количество спиртных напитков. Поездка эта носила характер увеселительный; все расчитывали на легкую победу над неорганизованными и плохо вооруженными туркменами и, видимо, на легкую наживу, что впоследствии и подтвердилось.

Немедленно по приезде Мадритова в Кара-Су (Персия) им были открыты военные действия против иомудов.

„Война" эта требует самостоятельного исследования и описания и заслуживает большого внимания, так как способ ведения ее и все эксцессы, сопровождавшие ее, ярко характеризуют „завоевателей" царского времени, колониальную политику и бесцеремонность и были в высшей степени кошмарны и преступны. Мы ограничимся только некоторыми замечаниями об этой „войне", общего характера.

Прежде всего, генерал Мадритов сначала повел войну даже не против тех туркмен на Атреке, которых возможно было обвинять в „восстании", т. е. в ответе на бессмысленный обстрел их аулов; военные действия он открыл против ничего не знавших о событиях в России, персидских туркмен на реке Гюрген, на территории Персии.

Воевал он не только с мужским населением, но и с женщинами и даже малолетними детьми.

С первых же дней, под видом нарядов, контрибуций и разного рода повинностей, он разрешил своим начальникам отрядов

самый откровенный и наглый грабеж и истребление имущества населения. При ведении своих операций, Мадритов допускал самые ужасные, бессмысленные жестокости

В Ташкент им посылались самые блестящие реляции и самовосхваления; все раздувалось и, так например, взятие Ак-Кала. в которой защищались всего 2 туркмена, было раздуто в двухдневный бой с „превосходными силами туркмен".

С Гюргена Мадритов перенес операции к северу на р. Атрек и особенно жестоко преследовал кочевников.

В конечном результате, все население по р. Атрек, начиная от аула Беум-Баш (в 30 верстах от Каспийского моря) до уроч. Чат, т. е. до Буджнурдской провинции Персии, совершенно покинуло свои поселения и ушло в Персию; их кибитки были сожжены, посевы уничтожены, скот или отобран или погиб; эта вся культурная полоса была стерта Мадритовым и опустела. Бессмысленные жестокости доходили до того, что были случаи закапывания в землю туркмен живыми; казаки на пики накалывали детей и подымали их на воздух; над женщинами издевались и были случаи вырезания детей из живота беременных женщин.

Мадритовым было отнято у иомудов свыше пяти тысяч породистых лошадей, сотни тысяч баранов и другого скота; были отняты ковры, кошмы, серебро и т. д. При этом, в казну было сдано только ничтожное количество баранов и 63 лошади, а все остальное было присвоено Мадритовым и чинами его отряда и утилизировано в свою пользу, отправкой всего награбленного „на родину".

Некоторые агенты не стеснялись даже делать публикации в газетах, вроде следующей: Газета „Асхабад", 1917 год, апрель. „Привезли Арват, Продаются очень дешево стада баранов, отбитых у иомудов. Спросить у такого-то".

По улицам городов Ташкента, Самарканда, Асхабада и других можно было видеть, как на казенном военном фургоне или арбе развозили по квартирам офицеров и других чиновных лиц подарки, присланные из отряда Мадритова; это возили ковры, кошмы и другие ценные вещи, награбленные у иомудов и присланные своим женам и друзьям чинами отряда Мадритова, при чем эти вещи сопровождал специально командированный унтер-офицер и по особому списку развозил их по указанным адресам.

Все породистые лошади были увезены участниками в грабежах Мадритова по своим домам, но чтобы избежать в будущем ответственности, генерал Мадритов решил сделать участником его грабежа лошадей и самого главнокомандующего Туркестана, генерала Куропаткина; с этой целью Мадритов привез в Ташкент 7 лучших лошадей и от имени отряда „поднес их в подарок главнокомандующему". Однако, генерала Куропаткина предупредили об этом и он этих лошадей не принял, а приказал отправить их на заводскую конюшню в Асхабад.

Как заключение, можно сказать, что когда генерал Мадритов после февральского переворота спасался бегством с Гюргена, то в г. Баку солдаты, возвращавшиеся с Кавказского фронта, успели перехватить его „ручной багаж" и нашли в нем до 82 п. иомудских ковров и 64 п. серебра.

Шесть старшинств иомудов, кочевников из Красноводского уезда, совершенно перекочевали в Персию и до последнего времени не возвращались.

Долгое время матери, жители Атрекской линии, укрощали своих детей фразой: „Тише, Мадрутов идет".

Во второй половине 1916 года начались судебные процессы в военных судах, куда были направлены дела всех обвиняемых в восстаниях, в связи с набором на тыловые работы, как по коренным областям Туркестана, так и по иомудской степи русской и персидской территории.

Судили по „законам военного времени" и судами было вынесено много смертных приговоров.

Тогда же в Ташкенте имел место такой случай: приговоренные к смертной казни пожелали подать кассационную жалобу на приговор суда и просили написать таковую своих защитников; не смотря на свою прямую обязанность писать кассационную жалобу, краткость срока обжалования до приведения приговора в исполнение и вопрос о человеческой жизни, один из защитников-адвокатов потребовал уплаты ему отдельного гонорара за написание жалобы, отказываясь писать таковую до уплаты денег и устроил целый торг с родными осужденных у смертного одра последних.

Это вызвало общее негодование в г. Ташкенте и адвокат был привлечен к ответу советом присяжных поверенных.

Трудно сказать, чем бы окончилась вся эта история с набором рабочих и восстаниями, если бы не подошли февральские события 1917 года, перевернувшие все вверх дном и освободившие массы людей с тыловых работ и тюрем.

Однако, все эти события с набором рабочих, расстрелы, карательные экспедиции сильно повлияли на психику населения „инородцев Туркестана", дали им возможность произвести правильную оценку сущности царского режима по управлению колонием, разрушили окончательно ореол «Белого Царя», вызвали сознание необходимости самодеятельности и вообще – «открыли им глаза».

События 1916—17 года имели огромное влияние на отношения всего коренного населения Туркстанского края к февральскому перевороту и последующим событиям; переворот и эти последния события были встречены с восторгом.

Сорок лет военного управления царской властью Закаспийской Областью (часть Туркмении покорена Российской Империей в 70-х и 80-х годах XIX века) наложили сильную печать на всю жизнь Туркмен: старые люди сжались и целиком ушли в свою внутреннюю жизнь и традиции, живя воспоминаниями о прошлом, новое поколение старалось приспособиться к создавшимся условиям; внешне покорное и лойяльное население, всегда носило внутри себя недовольство, не могло забыть свою прежнюю вольную жизнь, было подавлено новыми порядками и молча несло гнет подневольной жизни, покоряясь силе „Белого Царя".

Разгул охранного отделения 1913 года и массовые аресты среди Туркмен, война 1914 года, карательные экспедиции и репрессии невольно начали втягивать Туркмен в водоворот политической жизни и к февралю 1917 года Туркмены были готовы воспринять внезапно (для них) наступившие события.

II.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПРЕЛОМЛЕНИИ ТУРКМЕНИИ.

Понятие туркмен о „свободе". — Исполкомы из слуг царского режима. — „С.-р.". — Причины разрыва города и аула. — Роль бр. Доррер. — Туркменский с'езд. — Натравливание туркмен одних на других на почве родовых пережитков. — Особый комитет по делам коренного населения.

Падение царского режима, образование нового Правительства и провозглашение свобод — были приняты Туркменами восторженно.

Какое это было „Новое Правительство" и в чем заключались — „свободы", туркмены совершенно не знали, но они искренне радовались, что, душившее их старое рушилось и больше не существует, они будут иметь возможность свободно вздохнуть и получить права человека, выйдя из звания „проклятых инородцев". Быстро начало проявляться национальное самосознание, но в то же время не было проявления шовинизма и враждебного отношения к „русским"; как это ни странно, но туркмены в массе поняли, что нельзя смешивать царское правительство и его чиновников с народом.

Туркмены из ближайших к городам аулов массами прибывали в город, посещали собрания, митинги и искренно братались с русскими, вместе с ними радуясь свержению царя и его режима.

Туркмены быстро усвоили сущность „свобод", которые должны были наступить, как результат падения старого режима и их понимание этих „свобод" удивительно близко совпало с выработанными требованиями о „свободах" революционных масс.

Однако у туркмен сразу не нашлось в их языке слова для определения понятия „свобода".

Туркмены - номады - степняки наездники, тысячелетия кочевали по необозримым степям Азии и все и всегда пользовались полной свободой, не зная над собой ни власти, ни писанных законов.

Община была родовой, обычай в общине создавался ими самими и удовлетворял их взглядам и потребностям; всякий, тяготившийся право-порядками общины, волен был уйти из нее в широкую степь и быть от нее независимым; никто не знал полицейского режима над собой и был свободен, как ветер, а всякий нарушитель свободы другого встречал вооруженный отпор. Вся жизнь туркмена была окружена свободой, а потому его язык не нуждался в особом, специальном термине для определения понятия „свобода"; кругом, сверху и снизу все было свободно от какого либо давления, т. е. и воздух, и пространство было пусто от чего либо давящего, а потому и понятие о свободе было связано с понятием пустоты в окружающей атмосфере туркмен от всего, могущего стеснить свободу его. Отсюда и оригинальное и характерное название для свободы — „бошлык" — „пустота".

Так туркмены и назвали новый режим и связанную с ним свободу — „бошлык"; но, так как это название не совсем было понятно для русских, то в городах и на митингах они начали просто говорить — „слабод", что означало — „свобода".

В 1917 году Туркмены от всего сердца, искренне приветствовали „бошлык" — свободу и вместе с русскими и вообще городскими жителями принимали участие в первоначальном устройстве своей жизни и новых порядков, охотно шли в „комитеты" и ломали старые порядки, выживали старую власть.

Везде образовались исполнительные комитеты и кое где советы депутатов.

Туркмены понимали, что царская власть свержена и все русские люди, как один, кроме чиновников, жандармов и полиции, устраивают свою жизнь.

Однако, им скоро пришлось разочароваться и стать в тупик; для них начало твориться много непонятного. Прежде всего они увидели, что исполнительные комитеты наполнились в большом количестве людьми старого порядка; там заседали те же царские чиновники и вообще те, кто их раньше давил и они скоро ощутили, что отношение к ним осталось старое, как к инородцам; им, по прежнему, приходилось очень долго сидеть перед „парадным под'ездом" и испытывать старую волокиту; правды и справедливости они не могли найти — „по старому".

Это их ошеломило и, конечно, оттолкнуло от комитетов, которые были близки к прежней администрации, а при известной сумятице и неуверенности, еще и хуже; не было уверенности в прочности их распоряжений и ощущался известный антагонизм.

Праздник весны февральского переворота был чрезвычайно краток; дни первых ликований прошли чрезвычайно быстро и вслед за ними в городах наступили дни взаимных счетов и борьбы за власть. В исполкомы и в комиссариаты попали или авантюристы, или шкурники, или те, которые принимали участие в эксплуатации коренного населения и при царском аппарате управления; идейные люди попали в правящие органы в ничтожном количестве; а туркмены совсем не попали и снова остались за бортом.

Борьба за власть в городах, за господство приняла самые гнусные формы и охватила все: доминировали над всем исключительно личные интересы и благополучие, которым была принесена в жертву общественность.

Исполкомы и власть имущие люди не думали об устройстве общественной жизни и уничтожении разрухи; под флагом революционности сводили личные счеты и закрепляли личное положение. Многие начали усиленно перекрашиваться в более прочный и надежный цвет: партия № 3, Керенского, имела за собой сильную опору — армию, а потому даже чиновники, самые ярые черно-сотенцы, всякому известные, как таковые, записывались в партию социалистов-революционеров; нужны были голоса на выборах в думу, а потому принимали с улицы, не только неизвестных, но заведомо известных монархистов и черносотенцев.

Во главе областного исполнительного комитета стали: граф Доррер, бывший прокурор, врачь Рутенберг, освобожавший за деньги от тыловых работ и другие, такого же типа люди; во главе области, а за тем и всего края стали тот же Доррер со всеми чинами прежней канцелярии начальника области царского времени.

Беспрерывные интриги, склоки, клевета — составляли всю сущность деятельности новой власти. Более дальновидные, как например, граф Доррер, опасаясь нарождавшейся сплоченности и об'единения туркменских масс и выступления с протестом наиболее сознательных из них, начали создавать среди туркмен группировки и натравливать одну часть населения на другую, ссорить между собою отдельные роды и племена. Граф Доррер, как областной комиссар, в июле 1917 года приказом собрал до 2 тысяч туркмен в Асхабад, оплатив им проезд и продовольствие, обманным путем вынес от них нужное ему постановление и оперировал этим постановлением, как выражением „народной воли".

В то же время, благодаря сознательной провокации, у многих из городских жителей неоднократно появлялся панический страх перед туркменами и они были уверены, что туркмены обязамельно должны напасть и „вырезать" русских. Неоднократно пускались провокационные слухи о том, что в определенный день нападут туркмены и, конечно, появлялись „очевидцы" наступления туркмен. Такие случаи были и в Мерве, и Теджене и в Асхабаде. Войска выходили за город, занимали позиции и чуть не начались кровавые столкновения с мирными жителями, т. к. войска, несколько дезорганизованные, новички в этом крае, нервничали и каждого туркмена, едущего на базар в город, принимали за „повстанца". Этими провокационными слухами сильно обострялись отношения между солдатами, обывателями с одной стороны, и туркменами с другой.

Все это, вместе взятое, сильно охладило туркмен, оттолкнуло от совместной работы с пришлым населением городов, главным образом русскими и появилось сознание необходимости самостоятельного об'единения.

Летом 1917-го года в Асхабад начинают приезжать туркмены из всех уездов одиночками и целыми группами, интересуясь положением дел и дальнейшей судьбой своей страны. Многие приезжают с заявлениями о своих нуждах и больных вопросах и ищут центр, руководящий жизнью области, чтобы разрешить целый ряд серьезных вопросов, грозно возникших после крушения старого режима.

Такого активного центра, могущего и желающего руководить жизнью всего края, нет. Областной исполнительный комитет и советы депутатов заняты своими внутренними делами и городами.

Областной комиссар, граф Доррер, он же председатель исполнительного комитета, с одной стороны разыгрывает „крайнего революционера", а с другой стремится подавить все действительно революционное, а также прогрессивное стремление туркмен к устройству своей страны и управлению таковой при их участии.

Города и „власть имущие" совершенно не доверяют туркменам и относятся к ним враждебно, видя в них, по прежнему, только „инородцев".

Выборы в городские думы, распределение продовольственных запасов в городах, борьба с аулами на этой же почве — целиком поглощают время и мозг городов.

Все это вместе взятое, поселяет в среду туркмен общее недоверие к „русским" (обобщая этим все пришлое, нетуркменское население) и заставляет туркмен стремиться создать нечто свое; вера в «свободу и равенство» окончательно исчезают, но о свалившемся царском режиме туркмены, по прежнему, не жалеют и возврата к старому не желают.

Приехавшие из разных уездов туркмены организуют „с'езд" и избирают областной туркменский комитет, конечно, стихийно, случайно, под давлением жизненной необходимости.

Сезд и комитет заседают, идут ощупью и намечают вехи, по которым надо повести свою работу, чтобы наладить свою аульную жизнь.

В это же время в Асхабаде заседает другой „областной с'езд "—делегатов от городов, и, как это ни странно и ни уродливо в этом с'езде совершенно отсутствуют делегаты от туркмен т. е. от подавляющей массы коренного населения области. для которых судьба их родного края гораздо важнее и существеннее, чем для пришлого населения, тем более, что на с'езде большинство делегатов было от сибирских запасных полков, т. е. именно от временного, проходящего элемента, который, с демобилизацией полков, раз'едется по домам и исчезнет из края; туркмен забыли пригласить и опоздать. Так как состав «городского с'езда» подавляюще военный, то партия № 3 (Керенского) главенствует, и у всех на устах имя Керенского.

Два „областных с'езда" заседают одновременно в разных концах города — один в военном собрании, другой в доме Дуплицкого, в помещении бывшего чрезвычайного с'езда народных судей. С'езд городов недоверчиво и подозрительно следит за с'ездом туркмен через своих агентов. мечтая о его роспуске, а с'езд туркмен робко и неуверенно собирается, чувствует свое одиночество, ясно сознает, что пришлые товарищи относятся к нему враждебно и не желают признать прав туркмен на равенство и управление их же страной; туркмены не знают, какой курс поведения надо им взять в своей работе, т. к. полувековое владычество прежней России, гнет и поведение с'езда городов, исполнительного комитета и др. не внушают им уверенности в том, что прежнее миновало и что не вернется прежняя Россия „Белого Царя" со своими завоеваниями и что те же делегаты с'езда не будут их снова покорять в рядах русской армии.

У кого то возникла мысль устроить на Скобелевской площади Асхабада братание делегатов обоих с'ездов и хождение по городу; туркмены охотно пошли и братание состоялось: все туркмены с'езда и случайно бывшие в городе из ближайших аулов, взявшись за руки с делегатами городского с'езда пошли по улицам Асхабада; к ним присоединились и многие из жителей Асхабада; среди толпы демонстрантов были и чиновники, и торговцы и бывшая полиция, и ремесленники и т. д. Все вместе пели и кричали ура; у жителей города на лицах были написаны успокоение и радость, заменившие страх и подозрение, бывшее до сих пор, ввиду того, что „туркмены будто бы в один прекрасный день их могут вырезать", так как теперь представители и делегаты туркмен ходят вместе с ними в одной демонстрации; туркмены кричали ура, как и в прежние времена, потому что все кричали и этого желали русские.

Кончили ходить и завтра же обе стороны друг другу снова не верили, ибо „ура" и „пение" недостаточны были для об'единения интересов коренного и пришло о населения, воспитанного царизмом в течении долгих веков.

Власть имущим описываемого времени и правителям Закаспия, в большинстве состоявшим из бывших прислужников только что рухнувшего старого режима и пропитанным насквозь его заветами и духом, представлялось опасным и грозным об'единение туркмен и проявление среди них зачатков общественной самодеятельности.

Воображению этой власти грезилось, что таковые об'единения и самодеятельность уже налицо и призраки этого их страшили и не давали покоя.

Определенной группой областного комиссариата решено было разложить этот туркменский с'езд и вооружить друг против друга, как вожаков туркменской самодеятельности, так и отдельные племена и роды между собою.

Эту „высокую" задачу взялся выполнить талантливый комиссар области, граф Георгий Доррер. Для него легче других было выполнить программу натравливания туркмен друг на друга, так как вся канцелярия областного комиссара состояла из прежних чиновников, уездными комиссарами были те же, прежние уездные начальники, помощником комиссара был меньшевик, прапорщик Безруких.

Выполнение задачи графа Доррера Георгия еще очень облегчалось тем, что председателем совета рабочих депутатов был родной брат комиссара, также граф Доррер Алексей; оба брата для виду всегда выступали друг против друга на публичных собраниях, а затем шли вместе обедать и ужинать к старшему Дорреру-комиссару и делали все сообща.

Оба брата состояли и в областном совете. Кроме их в совет входили и помощник комиссара и другие разные бывшие люди, врем нно перекрасившиеся в р зоватый цвет.

Итак, граф Доррер решил применить старый испытанный способ натравливания одной части населения на другую, так удачно применявшийся в царской России и начал играть на больных струнках отдельных групп населения

Для успешности своей „культурной" работы граф Доррер использовал „свой административный аппарат", а также и „туземный элемент": в первом ему помощь оказывали канцелярия его бывш. канцелярия начальника области в полном прежнем составе, бывшие уездные начальники и пристава, а также различные „прогрессивные" прежние чиновники разных ведомств, оставшиеся на прежних местах; во вторую группу—„туземный элемент"—вошли некоторые из прежних агентов туркмен жандармского районного охранного отделения, а под видом „общественного элемента" из аулов и даже из состава с'езда разными путями и обещаниями были привлечены в Дорреровскую группировку некоторые лица, как то из бывших переводчиков, подрядчиков и недовольных общим течением мыслей туркменской массы.

Граф Доррер старался внушить некоторым видным и влиятельным туркменам идею создания в Туркмении самостоятельных отдельных „ханств" во главе с родовитыми ханами, об'ясняя таким образом сущность „свободы" и „туркменской самостоятельности", в связи с переворотом.

При этом он запугивал текинцев, что будто бы „ханы" других родов стремятся стать и во главе рода Теке.

Такими доводами ему удалось запугать семью Махтум Кули хана, потомков самого видного в свое время среди Теке — Нур-Верды хана и привлечь временно Махтум-Кули хана на свою сторону со всеми его многочисленными сородичами.

План Доррера на короткий период вполне удался: Туркменский с'езд был сорван, в среду туркмен был внесен разлад, между туркменами, приехавшими в Асхабад из разных мест, главным образом родов Теке и Иомудов, возникли вражда, которая перешла и на ближайшие аулы и туркмены группами ходили в областной совет, где главную роль играл областной комиссар, тот же граф Доррер, для принесения жалоб друг на друга.

Доррер извлекал пользу из всех этих жалоб для дальнейшего натравливания туркмен друг против друга, дробя этим их сперва на родовые группы, а последние еще на более мелкие группы, до бесконечности.

Также небезинтересно отметить, что с 1911 г. администрации Мервского уезда, особенно полк. Пальчевскому удалось втянуть несколько туркмен в охранку, результатом чего были аресты и высылки в 1913 г. целой группы туркмен видных общественных деятелей.

Часть этих охранников-туркмен, конечно, была привлечена в организацию Доррера.

Что касается „общественного элемента" туркмен и некоторых делегатов с'езда, привлеченных графом Доррером к своей работе по внесению разлада в среду туркменских масс, при самом начале их организации к сознательной государственной жизни, то это были те же, прежние административные деятели— б. переводчики, сменившие свои чиновничьи погоны на простые халаты и после февраля, ставшие „общественными деятелями".

Летом 1917 года был опубликован в газете „Асхабад" грозный приказ областного комиссара графа Доррера, сразу оттолкнувший от него весь общественный элемент и, напротив того, вселивший веру в его мощь и силу среди легковерных лю-

дей, черносотенцев и его сотрудников: этот штатский, хромоногий и физически убогий человек, скопировал „способ управления народом“ у грозных, былых генерал-губернаторов; он писал, что „всякие выступления против власти он беспощадно подавит вооруженной силой и *зальет кровью*“. Об этом „беспощадном подавлении“ им было немедленно отдано распоряжение казачьей сотне, которая прибыла в распоряжение графа Доррера.

Полная иллюзия царской власти, только вместо генерала писал штатский человек и февраль уже был забыт.

Созданная и пущенная Доррером легенда, что теперь будет каждый народ управляться своим „ханом“ и что иомуды стремятся поставить во главе всех туркмен хана от себя и управлять всеми ими, усиленно муссировалась и распространялась.

В дополнение к этому, граф Доррер создал в Асхабаде при канцелярии областного комиссара „особый комитет“ специально по делам коренного населения и все вопросы, касающиеся интересов только этого населения, должны были рассматриваться в этом комитете, не касаясь других центральных органов управления.

В состав комитета вошли: председателем граф Доррер, его помощником—Безруких, затем несколько чинов канцелярии ближайших сотрудников Доррера и наконец два представителя от туркмен Ахала. Таким образом, Доррер все управление туркменами сосредоточил лично в своих руках и мог сам разрешать все вопросы о жизни туркмен, помимо всех общественных организаций как русских, так и туркменских.

По качеству своему—этот „особый комитет“ с графом Доррером во главе, был настолько плох, что он не мог удовлетворить даже Ахальцев. имевших в нем своих представителей и которым Доррер оказывал „покровительство“. Комитет по духу и стремлению своему был враждебен туркменам вообще, опасался их, а в том числе и Ахальцев, а потому, кроме зла и вреда туркменам ничего не мог делать.

Общего, сплоченного выступления туркмен против нового образа правления не было, так как Доррер успел в достаточной степени посеять вражду между ними, как выше об этом мы говорили.

Кроме того туркмены разных районов были заняты своими, местными вопросами, грозно возникавшими перед ними в связи с переворотом и наступившей разрухой; они на местах вели борьбу и споры и в Асхабад не ездили

Комитет существовал не долго, но и за это короткое время он успел увеличить разруху и внести всюду ссоры.

Мервцы всецело были поглощены борьбой за воду, которую у них захватило раньше и продолжало захватывать Мургабское, б. „Царево Имение“. Тедженцы боролись также за воду, захваченную у них „арендаторами“ водокачек по р. Теджену, а все туркмены были всецело охвачены необходимостью борьбы с наступавшим голодом и отсутствием хлеба, а потому центральный вопрос—об управлении краем не привлек их внимания Города и комитеты сосредоточили запасы хлеба, денег, мануфактуры, сахара и пр. в городах, плохо или хорошо распределяли все это между городскими жителями, а коренное, сельское население было предоставлено самому себе; ему не давали возможности пользоваться ни железнодорожным, ни водным транспортом для заготовки продовольствия из других местностей, а все грузы хлеба, продовольствия и всего необходимого продовольственные комитеты захватывали для себя и сами ими распоряжались.

„Особый комитет“ не помогал коренному сельскому населению и о нем не заботился.

Несмотря на все эти условия, население скоро поняло сущность деятельности графа Доррера и глухо волновалось.

(Окончание следует).

Очерки по истории гор. Ашхабада

Н. И. Романов

Предисловие.

1. Что помнит Копет-Даг.

Темной обрывистой стеной Копет-Даг окаймляет с юга Туркменскую равнину, отделяя ее от Ирана Многое мог бы он рассказать о прошлом Помнит он, как поднялся он. высокий, на берегу акчагыльского моря, мутные воды которого подмывали его подошву, у нося целые глыбы и размельчая их в гальку и песок... Потом море ушло, и на былом побережье поселился человек, не знавший металлов и заменявший их осколками кремня и „кости“. По линии оазов от Гирканского моря до далекого Китая и от знойной Персии до Сибири потянулись караваны, привозившие первым насельникам Анау украшения из ценных камней Кавказа и Тянь-Шаня... Многовековая борьба землеробов, населявших Иран, с кочевыми племенами, сменявшими друг друга на Туранской равнине, борьба, воспетая Гом ром Ирана, Фирдоси, в поэме „Шах-намэ“... Вырастают и кипят миллионным населением у его ног цветущие города: „Ниса“ (около Багира), Марг (около Байрам-Али) там где его ущелья давали проход торговцам и его воды поили поля... Походы Искандера-Двурогого, арабов, „Железного Хромца (Тимур-Ленка), сравнивавшие с землей цветущие города и оставившие на память о себе пирамиды черепов... Походы Надир-шаха, аламаны туркмен „появление 50 лет назад русских... На том пустом месте, где сходятся Фирюзинское, Гауданское и Кельтечинарское ущелья, стал расти город за 45 лет сменивший три раза свои имена: Асхабад—Полторацк—Ашхабад.

Чем ближе к настоящему, тем короче промежутки между крупными переменами и тем запутанее становится клубок событий Раньше все было понятно: голодный и нищий грабили сытого и богатого, а в XIX в. богатые стали нападать на нищих, сытые—грабить голодных и называть это империализмом. Вот, в 1879 г., войска многолюдной и богатой Русской империи явились в выжженные солнцем пустыни Туркмении, едва прокармливавшие малочисленное население, и начали ружьями и пушками приводить в подданство далекому русскому Ак Падишаху. Не укладывается в голову старому Копет-Дагу, зачем они пришли...

2. Как и зачем попали русские в Туркмению.

К 3-й четверти XIX века поверхность южно-русских степей была распахана под пшеницу и свекловицу, а в их недрах были обнаружены неисчерпаемые залежи железа, каменного угля, ртути и каменной соли, к которым русский капитал немедленно приложил руку. Началась скачка миллионов: на

3737297

1-й экз.

تورکمەنستانی اوکرەنیش

تورکمەنستان مەرکەزی ایجرائیە تامەتی یانیندا اولکە تاریخی
اوکرەنش قامسە تینگ آیدا برکەزەک چیقاریان

جورنالی

2-3

ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ
1927.
АШХАБАД

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КОМИТЕТА
ПРИ ТУРКМЕНЦИКЕ

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

Государств. публичная

11 N

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ

ТУРКМЕНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД В ТУРКМЕНИИ

Карашхан оглы Иомудский

(Окончание. Начало и предисловие редакции помещено в № 1 журнала)

III.

И Ю Л Ь

Собрание выборных Красноводского уезда.
Делегация Мервского и Красноводского уездов.
От'езд Доррера.

Красноводский район через своего уполномоченного заявил графу протест и потребовал приезда его в Красноводск, на 18-го июля 1917 года, для об'яснений с их выборными, которые к этому дню приедут со степи и береговой полосы в Красноводск.

Областной комиссар, граф Доррер побоялся лично ехать на собрание выборных Красноводского уезда, организовавшееся по требованию самого населения и послал вместо себя своего помощника – Безруких и чиновника канцелярии—Позняка.

Выбранных туркмен-иомудов собралось свыше ста человек из всех аулов и к ним присоединились киргизы (казаки), как жившие в городе, так и кочевавшие в уезде.

Настроение у собравшихся было решительное и твердое, во всем был виден протест против создавшегося засилия и Безруких сразу почувствовал враждебное настроение к комиссариату, испугался и растерялся.

Переводчиков на заседании не требовалось, т. к. среди выборных многие понимали русский язык и выборные выдвинули для переговоров двух лиц: от киргиз тов Танычева (большевик) и от иомудов—тов. Иомудского; оба они не только владели русским языком, но имели высшее образование, а потому легко справились со своей задачей.

Собравшиеся задали помощнику областного комиссара Безруких ряд вопросов о сущности современного правления областью, о создании „особого комитета", о провокационной деятельности графа Доррера, о травле коренного населения, об угрозах, посылаемых Доррером этому населению и прочее и, наконец,—почему сам Доррер не приехал на зов населения, дать отчет; на эти вопросы собрание потребовало определенного и ясного ответа от приехавшего из Асхабада Безруких.

Безруких не мог дать правдивых и удовлетворительных ответов, а потому говорил на отвлеченные темы, всякие пустяки и, чтобы отвлечь внимание выборных, начал долго говорить о необходимости хорошо подготовиться к выборам в Учредительное Собрание и о необходимости посылки туда делегатов.

Все разговоры Безруких не привели к желательному для него результату— не могли успокоить и удовлетворить население.

Выборные требовали перейти к реальной жизни и дать ответы по существу, а не отвлекать их внимание пустяками.

Между Безруких и выборными происходили бурные стычки, последние не стеснялись говорить резкости и порицания. В конечном итоге, Безруких просил дать ему точный ответ—что желает население и принимает ли оно его об'яснения и пожелания. Выборные сказали, что завтра утром они дадут точный ответ.

Утром выборные дали Безруких ответ в письменной форме и об'яснили на словах, что население Красноводского района совершенно не доверяет комиссару области, графу Доррeру, и его сотрудникам, будет бороться с ними, желает ухода Доррера, лиц старой администрации и всех сотрудников комиссара и больше не находит нужным с ним о чем либо разговаривать После этого началась серьезная борьба с областным комиссариатом и работа по изгнанию Доррера из области.

К счастию населения, к этому времени туркмены и всех остальных родов—Ахала, Мерва, Теджена, а также и казаки, кочевавшие в области—поняли провокационную деятельность Доррера и его отрицательное враждебное отношение к коренному населению со всеми признаками старого, колонизаторского режима и в массе своей отшатнулись от Доррера и его клики.

Вследствие этого, вражда между родами, так настойчиво раздуваемая Доррером,—утихла и пошла на убыль.

Для выяснения подлинной физиономии личности графа Доррера и его действительного отношения к туркменам рода Теке, которых граф Доррер стремился, во что бы то ни стало сделать своими сторонниками, имел огромное значение один случай, быть может, никем не замеченный: как выше нами было указано, в области в 1917 году был голод и население не имело хлеба: уезды Мервский и Асхабадский отправили к графу Доррeру делегацию с прссьбой снабдить их хлебом; в делегации был, между прочим, образованный и вполне сознательный туркмен—Каакаджан Бердиев; на просьбы делегации Доррер ответил отрицательно, а когда Каакаджан Бердиев начал приводить доводы и возражения на отказ Доррера и настаивать на отпуске хлеба, то граф Доррер угрожающе произнес фразу—избитую, древнюю по своему происхождению, обычную для черносотенно-монархического режима былой России и классическую для новых управителей обновляемой революционной России—„У меня есть достаточно штыков, чтобы накормить туркмен".

Эта многозначущая фраза штатского, хромого „революционного" комиссара, как взрыв вулкана, образовала бездонную пропасть между ним и туркменами Теке. Комментарий не требовалось, отношения определились и Доррер навсегда утратил своих мимолетных сторонников.

Однако, этот жалкий, недальновидный политик, желающий кормить голодный народ „штыками" вместо хлеба, не постеснялся вскоре искать убежища и поддержки у того же коренного населения в минуту неустойки его среди городского населения; через краткий промежуток времени после обещания Доррера,—„накормить штыками",—мы видим его на автомобиле, со „знаменем пророка" (зеленым) в руках, обращающегося к толпам коренного

населения (узбекам гор. Ташкента) с воззванием—„Мусульмане, я ваш, вас люблю, поддержите меня...“ и пр., в этом же духе. Однако, и эта его „любовь“ к мусульманам не спасла его; воз мездие он получил должное от руки возмущенных рабочих, которые его убили на том же автомобиле.

Возвратимся несколько назад.

Вскоре, после описанного заседания выборных от иомудов в гор. Красноводске и от'езда Безруких в Асхабад, население Красноводского узла послало в Асхабад нескольких уполномоченных от себя с наказом добиться удаления Доррера с поста комиссара и вынудить его покинуть туркменскую территорию. В числе выбранных был—Иомудский Карашхан оглы, Эмин Махтумов, Теке-Дурды, Меами Чала, Анна Курбан Анна Мурад оглы, Алла Верды и другие. Выборные должны были действовать среди городских общественных организаций, в областном совете депутатов и среди солдатских депутатов.

После переговоров, крупных скандалов, взаимных обличений в областном совете, выборные добились того, что Доррер, в порыве гнева и раздражения, сам оставил свой пост и бежал спешно в Ташкент.

Все надеялись, что с Доррером все покончено, но оказалось, что он очень живуч. В это время в Ташкент прибыл, по личному выбору Керенского, генерал Коровиченко Павел для „завоевания и усмирения Ташкента“, ввиду начавшегося там движения рабочих против временного правительства Керенского и других наступивших событий.

Доррер успел познакомиться с Коровиченко, понравиться ему, войти в душу, а потом, несмотря на то, что Доррер был изгнан из Асхабада, все таки был назначен помощником Коровиченко, т. е. самого высшего правительственного лица в крае и власть Доррера теперь распространилась уже на весь Туркестан, а в том числе, на Закаспийскую область. Доррер немедленно открыл поход против туркмен и вообще области и, прежде всего, помешал мервцам добиться какого либо положительного результата в споре их о воде с Мургабским имением. Далее Доррер начал добиваться высылки в административном порядке из области наиболее активных из выборных от иомудов. К счастью, для всех, вынужденная смерть Доррера в Ташкенте прекратила его вредную деятельность для народа и революции, но, все таки, он успел внести в жизнь туркмен большую сумятицу и поселил в умах населения недоверие в то, что февраль должен принести за собою улучшение жизни трудящихся и, в частности, „инородцев русских колоний“.

IV.

Попытки создания власти на местах. Роль меньшевиков. Первые выступления большевиков Попытки создания вооруженной силы. Деятельность Колесова. Заигрывание с мусульманами.

К осени 1917 года начала замечаться неустойчивость и неуверенность у агентов власти временного правительства, колебания и раздоры среди комитетов, группировка по партийным воззрениям, а потому и в деле управления областью наступает такая же неустойка и неуверенность.

Естественно, туркмены начинают искать какой либо устойчивый центр, т. к. население сильно страдает от разрухи и безвластия, но само не решается и опасается взяться за управление страной, не понимая происходящего и не зная, что его ожидает в будущем.

Однако, необходимость снабдить голодающее население продовольствием, мануфактурой, необходимость дать населению элементарную безопасность и защиту—вынудила население озаботиться созданием каких либо органов самоуправления. В Асхабаде появился туркменский областной комитет, который просуществовал до начала 1918 года и умер, ничем не проявив своей активной деятельности, в некоторых аулах появились продовольственные комитеты и комиссии; в Красноводске образовался совет мусульман, об'единивший туркмен, казаков и городских персов и кавказцев. Продовольственные комитеты удержались почти до конца 1919 года, совет мусульман в декабре 1917 года слился с красноводским совдепом, создавшимся после октябрьского переворота и образовал в нем уездную секцию; эта секция существовала до разгона совдепа в июле 1918 года.

Думаю, что теперь совершенно понятно, почему с осени 1917 года огромная масса туркмен начинает изолироваться по своим аулам, возможно дальше отходя от городов и линии железной дороги.

В Закаспийской области Октябрь несколько запоздал своим приходом, благодаря оторванности и отдаленности от внутренней России, а также образовавшейся пробки на путях, вследствие появления различных белых и черных группировок и организаций.

Несмотря на это, в промежуток времени с января 1917 г. по июнь и июль 1918 года, постановления и лозунги Октября частично получили осуществление и в Закаспии, главным образом, в городах. С лета 1918 года меньшевистские и других видов организации взяли верх среди рабочих, совдепы были уничтожены и в Закаспии создалось смешанное временное правительство во главе с „забастовочным комитетом“.

Октябрь вступил в свои права только с 1920 года, после взятия области Красными войсками (I-я армия) и очищения ее от войск деникинской армии; таким образом, ко дню Октября 1917 года Закаспийская область еще не получила „прав гражданства Советской страны“, события в ней затянулись еще на два года, а потому необходимо еще сказать хотя несколько слов и об этих событиях 1918 и 1919 годов, не делая их описания.

Этот период отмечается крайней неустойчивостью идей, направлений, группировок и сменой властей, как в калейдоскопе.

В ноябре и декабре месяце 1917 года в среде комитетов и на собраниях в городах области, рельефно и с достаточной яркостью начало проявляться направление большевизма, особенно после возвращения некоторых делегатов, бывших на октябрьском с'езде в Ташкенте; эти делегаты заговорили на собраниях довольно четко и определенно в духе Октября Не только среди обывателей, но даже среди активных членов комитетов и власти это новое направление и течение внесло большую тревогу и смущение. Некоторые из стоящих в различных партиях, спешили „перекрасится“ и заявить себя „большевиками“, другие же стремились „затушеваться“ и во время уехать туда, где не знали еще их политической окраски.

Не малое количество беспартийных, я бы сказал, беспринципных, а также чиновников и черносотенцев спешили найти убежище в тех партиях, пребывание в которых, по их мнению, внушало им меньшую опасность и стремились окраситься в „современный безопасный“ цвет. Подобное явление наблюдалось еще с марта месяца 1917 года, при чем многим из заведомых монархистов и черносотенцев удавалось пройти в партию С. Р. меньшевиков, дашнаков и др., т. к. в комитетах партий не брезгали принимать в партию всякий элемент, придавая значение не „качеству“, а „количеству“; партии за 1917 год сильно засорились.

Вследствие крушения в Ташкенте краевого комиссариата—ставленников Керенского, из Асхабада поспешил выехать и новый областной комиссар, т. Караваев, повидимому, человек скромный и очень порядочный. Члены областного совета также незаметно куда то испарились.

В это время туркменские массы населения определенно удалились от городов и замыкались в своих аулах; только немногие выборные от времени до времени появлялись в городах в поисках хлеба, мануфактуры, сахара, чая, что бы иметь возможность удовлетворить голодающее туркменское население.

В городах оставались только вынужденные к этому туркмены, как то члены областного туркменского комитета, выборные по продовольствию, связанные собственностью, лавками, подрядчики и другие.

Кроме этого, в города приходили искать заработка и пропитания бездомные и безработные, а также бывшие всадники

туркменского полка, возвратившиеся с фронта которые не имели в ауле работы, или отвыкли от нее и не желали заниматься сельским трудом.

К концу 1917 года офицеры и солдаты регулярных войск, как-то запасных сибирских полков, присланных в область во время империалистической войны, а также пограничной стражи, —постепенно уходили в запас армии и разъезжались по домам; многие солдаты просто стихийно бросали свои части и команды и уходили на родину.

Войска в области почти не оставалось и явилась потребность в организации вообще какой либо вооруженной силы.

Материалом для этого явился тот бродячий и безработный элемент, который наполнял города.

Начали создавать вооруженные команды всяких наименований из наемных лиц, при чем в них входили, в главной массе, туркмены, а также киргизы, персы, армяне и частично русские, командный состав нашелся из числа бывших офицеров царской армии.

Туркмены поступали в эти войска, конечно, не идейно, а только как „наемники", из за денег, а потому ни дисциплины, ни моральных качеств в этих войсках искать не приходилось. Эти войска или вооруженные команды продержались до конца июля 1918 года, постоянно изменяясь в своем составе в том отношении, что те, кому надоедало служить, уходили в одиночку или группами из своих команд, а через несколько времени вновь возвращались в те же или другие команды и вновь поступали на службу, пока им это не надоедало.

Таким образом, создался особый тип бродячих военных наемников из туркмен, без идей и без принципов.

Они совершенно одинаково и бесстрастно служили в своих командах, независимо от того, кто их нанимал и какой власти они должны были служить; для них безразличны были „платформы" и цели, лишь бы их кормили и им платили.

Называли они себя поочередно „красно-армейцами" и „бело-гвардейцами", в зависимости от того, кто их возглавлял. Приходилось часто слышать от самих этих воинов подобное следующему: „Я теперь красно-армейца, а раньше был „бело-армейца" и наоборот, или,—„я пошел к бело-гвардейца, так как они давали ботинки, а красно-армейца не давали" и т. д.

Раньше указывалось, что между туркменами создались группировки, начало которым положил граф Доррер; эти группировки продолжали существовать, а потому туркмены, жившие по тем или иным причинам до сих пор вне своих аулов, нашли наиболее целесообразным уехать в свои аулы, в свои районы или роды. Это очень заметно стало к концу 1917 года.

В начале 1918 года меньшевики, эсеры и другие партийные группировки заметно притихли, проявляли растерянность и искали тихую гавань, где бы можно было укрыться во время нараставших событий, которые они лично считали скоропроходящими.

В противовес этому, большевики усилили свою деятельность, открыто выступали, смело брали в свои руки инициативу управления областью и фактически в городах сосредоточивали в своих руках всю власть. Открылись советы депутатов и с каждым днем крепли в своей работе. Городские массы все больше и больше признавали авторитет совдепов и обращались исключительно к ним. К этому же времени увеличивается количество „левых эсеров" и они начинают входить в совдепы. В этот же период надо отметить движение рабочих и формирование отрядов на „Бухарский фронт", приезд из Ташкента тов. Колесова, Кобозева и др.

Приезд т. Колесова в Асхабад имел отрицательное влияние на настроение той части туркмен, где Колесов проявил свою деятельность и надолго оттолкнул их от совдепов и большевистского движения. Туркмены вообще Колесова не знали, за исключением десятка отдельных лиц, но когда Колесов, приехав в Асхабад, обрушился на те ничтожные ячейки, в которых микроскопически проявлялась идея туркменской самодеятельности, а затем предпринял орудийный и бесцельный обстрел аула Кеши, расположенного в четырех верстах от Асхабада, то эти туркменские ячейки вынуждены были скрыться в полном составе, жители аула Кеши—уйти в пески и горы, а туркмены Ахала в массе были оттолкнуты от„большевистского комиссара" и вообще от большевиков.

В Асхабаде и других городах оставались единичные туркмены и, в большинстве, сомнительной нравственности, с авантюристическими стремлениями, стараясь внедриться в центральные учреждения и ближе стать к „общественному пирогу".

Кроме этих туркмен, в городах пребывали еще, указанные выше, туркмены—военные наемники, периодически поступавшие в „красно-армейцы" или „бело-гвардейцы".

Вся остальная масса туркменского народа оставалась в степи, заметно изолируясь от городов или „русских".

Приходилось наблюдать удивительные примеры проявления б. царскими чиновниками, офицерами и вообще слугами старого режима—лицемерия, лжи и трусости.

В далеком Коканде была об'явлена 1 го декабря 1917 года „Автономия Туркестана", во главе которой стоял туземный мусульманский элемент. Весть о создавшейся автономии дошла и до Закаспия. Б. царский черносотенный элемент, страшившийся призрака Октября, моментально уверовал в прочность „автономии", об'яснил себе, что наступает „владычество местного мусульманского населения и решил о необходимости немедленно забронироваться „мусульманами" края и заявить себя „верноподданными" мусульманского правительства. Они считали, что справиться с „мусульманским-туземным правительством" им будет легче, чем с Октябрем, а, может быть, по примеру прошлого, доброго старого царского времени, при их колонизационном опыте, возможно даже будет и подчинить себе „некультурных и невежественных мусульман".

Вследствие этого, они, бывшие эксплоататоры, забыв свою гордость и прежнее высокое положение, потянулись длинной вереницей к местным „мусульманам" с принесением своих искренних и глубоких поздравлений по поводу об'явления автономии и наступления подлинной свободы и освобождения от „гнета русских", забыв, конечно, на этот момент, что сами они были русскими людьми.

Нам пришлось наблюдать лично, как в городе Красноводске, по случаю об'явления автономии в г. Коканде, многие учреждения (городские, русские) устроили праздник в определенный день, отменили занятия и довольно значительная делегация, во главе с полковником Ивановым, отправилась в существующий тогда в г. Красноводске „совет мусульман" для принесения поздравлений и выражения своих искренних „верноподданических" чувств.

Все члены этой „патриотической" делегации оделись в парадные костюмы, а б. офицеры и чиновники были в мундирах, орденах; все были гладко причесаны и выбриты.

Б. полковник Иванов, заикаясь, от имени делегации, принес совету мусульман, вообще всем мусульманам, а особенно туркменам свое „искреннее и сердечное" поздравление с об'явлением автономии Туркестана, с освобождением от гнета и т. д. и тут же предложил мусульманам от лица делегации свои труды и работу на пользу процветания и развития „нового молодого государства",

Не привожу дословно всей речи Иванова, но помню, что она была цветиста, вся состояла из лести и подхалимства и говорилось от всего „сердца и души". Кроме того, Иванов говорил много о том, как он всегда любил туркмен и любит теперь, считая их рыцарским народом, готов послужить им и т. д

Необходимо сказать, что этот полковник Иванов был в царское время начальником Красноводского отдела пограничной стражи после полковника Юденича и отличался тем, что „от всей души" преследовал туркмен, ловил их, предавал суду и сажал в тюрьму. Если туркмены в массе, прежде всегда только не любили и боялись царских прислужников и колонизаторов, то

после принесения „делегацией“ от них поздравлений и речи Иванова, представители туркмен еще начали и презирать их, как людей, лишенных всяких признаков человеческого достоинства.

Также и в Асхабаде, в то же время, явилась в Туркестанский областной комитет с подобными же поздравлениями по поводу об'явления автономии такая же делегация из офицеров и чиновников, только более многочисленная. В состав ее входили председатель судной части и чрезвычайного с'езда народных судей, действительный статский советник Дуплицкий, б. правитель канцелярии начальника области, полковник Грудзинский и многие другие. Делегация также нарядилась в мундиры и ордена и, кто имел, ленты

Довольно остроумно об этом праздновании автономии Туркестана сказал В. Дмитриев, председатель совдепа в Красноводске, в то время только народившегося и начинавшего свою деятельность.

В. Дмитриев в день „празднования“ об'явления автономии пошел по учреждениям проверить кто ведет свою нормальную работу, а кто празднует, т. к. это был рабочий день и нашел многие городские учреждения закрытыми, даже почтовую контору, в то время, как совет мусульман, туркмены, киргизы, персы и другие мусульмане работали в обычном порядке, не празднуя и не придавая никакого значения об'явлению автономии Туркестана.

В тот же день вечером на открытом общем заседании совдепа В. Дмитриев, выясняя вопрос—почему русские городские учреждения были закрыты, а служащие их—праздновали, в своем заключительном слове сказал: „Удивительно, туркмены—именинники, а вы празднуете за них и кушаете сами именинный пирог“.

V.

Смута в умах. Междуплеменные раздоры. „Шептуны“. Авантюристы.

Благодаря всем вышеуказанным обстоятельствам и постоянной смене правителей и течений, масса совершенно перестала разбираться в текущих событиях, лозунгах и в партийных группировках. В аулах и вообще в степи жили слухами, легендами; газет, доступных для народа, особенно на родном, понятном им языке, совершенно не было и узнать истину для масс было недоступно, а потому появлялись удивительные версии о происходящем и удивительно чудовищные выводы.

Так, например, среди туркмен существовало убеждение, что дерутся между собою „болшевой“ и „меньшевой“, при чем они не представляли себе, что именно означают эти названия и одни думали, что „большевой“—это особая нация, которая завоевала Россию и дерется с русскими, а другие думали, что и „болшевой“ и „меньшевой“—обе группы не русские и дерутся из-за власти; некоторые думали, что эти оба слова означают собой нарицательные имена вообще двух враждующих сторон, а потому очень часто враждующие туркмены называли себя—одни—„болшевой“, а другие - „меньшевой“, при чем, если какая либо группа туркмен называла себя “болшевой“, то враждебная ей группа непременно называла себя „меньшевой“ и наоборот. На этой почве происходили крупные недоразумения с очень тяжелыми последствиями для целых масс населения, т. к., не отдавая себе отчета в значении этих слов, случайно приписав себе то или иное из этих наименований, эта масса или группа населения бессознательно ставила себя в глазах всех прочих народностей в ряды той партии, с которой они не имели ничего общего и не знали ее целей и стремлений; не раз случалось, что группа населения называла себя именем той партии, к которой она должна была по существу своему относиться враждебно и раз на всегда отмежеваться от нее

Отсюда, конечно, вытекали соответствующие взаимоотношения, в зависимости от принятого туркменскими группами названия,—„болшевой“ или „меньшевой“, с одной стороны между этими туркменскими группами, а с другой стороны—большевиками или меньшевиками, или беспартийными, или белогвардейцами, или англичанами и другими. На этой почве возникали столкновения, преследования, даже гражданские войны со стороны перечисленных выше партий и групп по отношению туркмен, случайно и несознательно наименовавших себя или „болшевой“ или „меньшевой“.

Как меньшевики, так и большевики для туркмен тогда являлись загадкой и неведомыми людьми; назывались тем именем, которое могло более обезопасить их жизнь в данный момент или принести большую пользу.

Таким же точно образом и на той же почве создавались отношения между отдельными аулами и родами.

В 1918 году туркмены частично были втянуты забастовочным комитетом, белыми, а затем деникинцами, и англичанами в борьбу на Закаспийском фронте с красными; туркмены западной части - иомуды в эту борьбу не вступили, а потому последним дано было название „болшевой“ и между ними и другими восточными туркменами возникла вражда.

Англичане, прибывшие в область в 1918 году под именем „меньшевой“, сразу стали в острое и враждебное отношение к иомудам—„болшевым“.

Группа киргиз *)—адаевцев, пришедшая с севера в Мангышлак под именем болшевой“, занялась, угоном скота в степи у иомудов, последние дали отпор и между ними начались столкновения; тотчас же в этой борьбе иомудам присвоили название „меньшевой“, несмотря на то, что в это же время тех же иомудов именовали „болшевой“, по отношению туркмен-Ахала, с которыми у них шла вражда. Надо заметить, что в этот же период, из тех же киргиз, были отряды на службе у Временного Закаспийского правительства, под именем „белогвардейцы“, однако же, по отношению враждебных для них иомудов эти „белогвардейцы“ продолжали называть себя—„болшевой“; нам лично пришлось слышать в разговоре с этими „белогвардейцами“, от них самих, следующее: „Мы были красноармейцы в форте, но приехал Кубиев и сказал, что надо быть „белогвардейца“, а потому мы стали „белогвардейца“.

Во время указанной борьбы киргиз с иомудами, группы угонщиков скота и нападающих киргиз возглавляли лица чрезвычайно черносотенные по своей политической окраске, как то б. старшина Бекес Дармантаев, переводчики Орумбасар, Абдурахман Кубиев и другие, но все таки они продолжали носить имя „болшевой“.

В аул Гассан-Кули приехали какие то турки и нашли приют у Тюро-Ахуна, старого фанатичного моллы; турки подняли на его доме штандарт - императорское знамя турецкого султана, давно не существовавшего; вся группа Тюро Ахуна, моллы реакционера, ввиду приезда турок, очевидно исламистов- монархистов, приняла почему то название „болшевых“, а потому группа туркмен, враждебная Тюро-Ахуну, возглавляемая Хан Дурды, получила тогда же название „м е н ь ш е в ы х“, несмотря на то, что эта группа была значительно прогрессивнее первой и до этого времени имела деловые отношения с красноводским совдепом большевиков.

Вокруг молла Тюро-Ахуна сгруппировались в большом количестве духовные лица, фанатики, как то моллы, ахуны, карры

*) Тогда еще русские казаков называли „киргизами“, а не казаками. Туркмены и коренные жители СреднейАзии всегда называли их „казаками“.

(начетник корана), ишаны, но, несмотря на это, приняв название „болшевой", этот старый молла Тюро-Ахун нашел нужным поехать к большевикам, как к своим единомышленникам, с просьбами и проектами. Получилось сплошное недоразумение, так как молла Тюро-Ахун начал с просьбы денег, а затем просил о назначении у туркмен - духовного управления, восстановления шариата (мусульманского писаного права) и других религиозных установлений. Конечно, в скором времени Тюро Ахун должен был стушеваться.

Подобных примеров можно было бы указать много, но и выше перечисленные достаточно характеризуют существовавший в то время политический кругозор туркменского большинства и понимание происходившей тогда революционной борьбы.

Что бы понять, почему туркмены отшатнулись от городов, от всего пришлого, не коренного населения и почему они так искренне и с таким энтузиазмом принявшие весть о происшедшем перевороте в феврале, так же быстро потеряли веру в блага этого переворота и начали относиться ко всему происходящему и ко всем окружающим с таким недоверием и подозрительностью, необходимо принять во внимание не только все вышеописанное, но и ту случайную и почти незаметную „пропаганду", которая стихийно велась среди них самой жизнью.

По всей России, а также по линии железной дороги и в городах Закаспия, шла борьба; власти, течения сменялись быстро одни за другими; к коренному населению относилось пришлое население недоверчиво, подозрительно и часто враждебно; интересы населения попирались и никем не охранялись, а слухи и вести о всем происходящем приходили к коренному населению самого чудовищного вида и угрожающие. В то же время, несмотря на произошедший переворот и падение царского режима, психика и воззрения пришлого населения Закаспийской области почти нисколько не изменились и все, веками воспитанные во время царизма в духе эксплоататорски-колонизационном, оставались теми же колонизаторами и продолжали еще относиться к коренному населению с презрением, как к нисшей расе, как к темным инородцам и враждебно; в виду же сумятицы в управлении, ухода регулярных войск и отсутствия „твердой власти", у закаспийского обывателя появился страх перед коренным населением и он панически рисовал в своем возбужденном мозгу картины восстания коренного населения и месть со стороны его за долгий гнет и порабощение.

Бывшие царские слуги, в большом количестве остававшиеся в области, не могли помириться с утратой своего прежнего привеллигированного положения и с раскрепощением эксплоатируемого дотоле коренного населения, не могли примириться с мыслью, что они вынуждены будут пользоваться равными правами с „инородцами", а потому они всеми доступными для них средствами должны были дискредитировать завоевания революции в глазах коренного населения и оттолкнуть его от истинных борцов этой революции и поборников свободы трудящегося народа.

Эти бывшие царские слуги, старо-режимцы, с маской лицемерия на лице, кропотливо, но старательно занимались делом дискредитирования завоеваний революции и истинных революционеров

Страх и ненависть к создававшемуся новому строю заставляли старо режимцев, с одной стороны, внешне притихнуть, льстить сильным, активным деятелям революции, всегда сохранять на своем лице „улыбку радости и восторга" по поводу наступавшего раскрепощения трудящегося народа, раскрепощения угнетенных и уравнения в правах всех национальностей, примазываться к революционным партиям, а с другой стороны—тайно и злостно дискредитировать все и вся новое, поносить и клеветать на тот „новый строй", перед которым они „преклонялись".

Во всех уголках области, при всяком удобном случае эти многочисленные клевреты царизма ласково, шепотом, с глубоким вздохом порицали и осуждали все новое, ложно освещали значение всех лозунгов и начинаний, клеветали, искажали истину, пользовались, как доказательством правоты своих слов, всякими ошибками в революционной работе, давая им контр-революционное освещение, обрисовывали деятелей революции и их лозунги в чудовищно уродливом виде и т. д. Этим своим неустанным „шопотом" лжи и злости они вносили смущение в души обывателей городов и поселков и особенно сильно вносили недоверие в массы коренного населения ко всему происходящему, т. к. это население далеко стояло от русской действительности и не могло знать сущности движения.

Успеху этой незаметной и „розничной" агитации среди коренного населения содействовала реальная действительность 18-го и последующих 19-го и начала 20 годов, когда на территории Туркмении, сменяя и дополняя друг друга, появляются: забастовочный комитет, Временное Закаспийское правительство, комитет спасения, правраском, бичераховцы, лазаревцы, фронтовики, добровольцы, деникинцы, англичане, Дружкины, Куны и прочие авантюристы и провокаторы.

Все эти организации и группы „завоевывают", реквизируют и убивают. Население верит „нашептывающим" и верит, что пришел - „ахры заман" (конец света или „последнее время"), а потому удаляется в пески, прячет имущество и бежит подальше от городов и линии железной дороги, единственной артерии, по которой движутся с запада на восток и обратно все авантюристы со своей вооруженной силой.

На этой же почве разыгрываются столкновения между русскими поселенцами царского времени и коренным населением и между ними возникает борьба за обладание землей и водой, некогда отобранных у коренных жителей царской колонизацией.

Все это, вместе взятое, оставило огромный след в жизни туркмен, определенным образом повлияло на психику их в области отчужденности, недоверия и осторожности и вызвало те многие явления, которые нам пришлось наблюдать до времени прочного установления власти советов.

1918 год для Закаспийской области является чрезвычайно знаменательным и составляет особую, очень печальную эпоху в истории революционного движения, так как в этом 1918 году произошел контр-революционный переворот, свержение совдепов, аресты и расстрелы большевиков, приезд английских отрядов и командования, контр-революционирование больших масс рабочих и туркмен и, наконец—открытие Закаспийского фронта—гражданская война между белыми и красными, длившаяся до начала 1920 года, когда красные победили и окончательно сбросили белых в море, очистив злосчастный Закаспий от всех других цветов.

Вследствие этого, этот период, как очень серьезный, интересный и полный крупных событий, должен составить особую эпоху и требует самостоятельного специального описания.

Однако, что бы яснее понять некоторые последующие события среди туркмен и пополнить описанное настроение отдельных группировок туркмен, мы считаем необходимым упомянуть об одном явлении в туркменской жизни.

Февральский переворот всколыхнул до толе внешне-спокойный мир туркмен, втянул их в сферу политической жизни, а беспрерывная смена власти, течений и направлений вызывали неожиданное появление на арене этой политической жизни отдельных лиц из туркмен, иногда с определенной программой деятельности, иногда без всякой программы, а иногда просто авантюристов, которые выражали в той или иной форме какой то протест. Эти лица обыкновенно собирали возле себя более или менее значительную группу вооруженных людей и с этими небольшими отрядами подчиняли себе какую нибудь отдаленную территорию, захватывая там в свои руки всю полноту власти на более или менее продолжительный срок. Определенной политической окра-

ски они не имели и деятельность некоторых из них носила характер национального движения, у некоторых—личных счетов и мести, у некоторых — определенная навязчивая идея и у некоторых, наконец, просто стремление—быть у власти и „покуражиться".

Ярким примером последнего типа был некто Алла Яр, выходец из Хивы, полутуркмен, пробывший некоторое время на службе в туркменском конном полку во время войны 1914 года. В 1917 году он появился, никому неизвестным, в Асхабаде и с необыкновенной настойчивостью начал проникать во все организации, в органы правления и вообще правящие круги. По виду он был крайне революционным и радикальным, выдавал себя за очень пострадавшего при царском режиме, борцом за свободу и за народ, а потому его везде принимали, не проверяя его настоящего прошлого; никто не знал его действительной платформы, а его решительность, громкие фразы, смелость, доходившая до наглости, везде делали ему путь открытым.

Как оказалось впоследствии, Алла Яр был простым авантюристом с большим честолюбием, разнузданный и жестокий человек.

Как бывший всадник туркменского конного полка, Алла-Яр монополизировал военное поприще и бывал начальником отдельных небольших отрядов и от комитетов, и от Временных правительств. Он попеременно служил и у большевиков, и у меньшевиков, и у Временного правительства, и у англичан, и в деникинской армии и всегда с одинаковым успехом, что ему было очень легко делать, т к. он не имел ни убеждений, ни каких либо других целей, кроме удовлетворения своего честолюбия, властолюбия и разнузданных инстинктов.

Когда Алла Яр получил в свое распоряжение значительный отряд и мог самостоятельно действовать, то он, при первом удобном случае, обрушился на мирных жителей поселка Теджен и произвел там погром, сопровождавшийся убийствами и грабежами беззащитного населения; это было в 1919 году, когда у власти в Закаспийской области стояло главнокомандование Деникина.

Эти издевательства и зверства Алла Яра прошли для него совершенно безнаказанно; затем он очутился со своим отрядом в Пендинском оазисе и бесславно исчез с политического горизонта Закаспия.

В марте 1917 года в г. Асхабад на областной туркменский с'езд приехал молодой молла из Теджена Ходжа Кули Хан. Сумрачный, сдержанный, фанатично-религиозный, он тотчас же подал протест против преподавания арабской письменности по новому звуковому методу (сулы-джадит) и стал в оппозицию тогда современному, новому, национально-революционному движению туркмен.

Начитанный достаточно в арабско-духовной литературе, Ходжа Кули Хан произвел на туркменском с'езде сильное впечатление на некоторую группу туркмен и нашел значительное количество последователей и сторонников; с ним приходилось считаться и он сильно тормозил реальную и жизненно-необходимую работу в пробуждении масс.

Наблюдая на с'езде Ходжа Кули Хана, пропитанного насквозь богословско-теоретическими рассуждениями и выводами, никогда нельзя было бы предположить, что он способен на какие либо активные поступки, да еще на военном поприще. Между тем, очень скоро Ходжа Кули Хан втягивается в военную авантюру и в конце 1918 и в 1919 годах становится во главе военного отряда туркмен, человек в сто, и входит в состав деникинских войск.

После разгрома „деникинцев" на территории Закаспия, Ходжа Кули Хан с остатками своего отряда уходит в пески, к северу от Казанджика, а затем оперирует в Тедженском оазисе.

В 1922 или 1923 году он был убит в столкновении с красноармейцами, а остатки его отряда распылились.

В 1919 году, неожиданно для всех, в Тедженском районе выступает на сцену политических событий туркмен — Азис Хан. До сего времени об Азис Хане никто ничего не знал и не слыхал, кроме его одноаульцев и случайно прикасавшихся к нему; он был простой, бедный туркмен и, ввиду преследования его уездной администрацией во время правления полковников Ломакина и Пальчевского, он был вынужден уйти из аула и, скрываясь от преследований администрации, вступить в ряды „аламанщиков", делая постоянные набеги на поселения Персии в пограничном районе.

Своими поступками и набегами Азис Хан выражал протест против несправедливостей русской и персидской власти того времени; он, вместе с другими, являлся выразителем того протеста туркменского населения, который оно носило в себе в скрытой форме. После переворота, во время наступившего безвластия, Азис Хан, неожиданно для всех, организовал небольшой отряд из такой же, как и он, недовольной группы туркмен и почти овладел Тедженским районом. Он повел борьбу с бывшей администрацией, как из русских чиновников, так и из туземцев и, попутно, с некоторыми отдельными видными туркменами, в царское время эксплоатировавшими массы населения. Так, например, при нападении его на Серахский район, он убил известного Менгли-Хана, сына его Баба-Хана и других.

На отряд и действия Азис Хана было обращено внимание стоявших тогда у власти представителей временного правительства; последнее одновременно и заигрывало с Азис Ханом и старалось его изловить и ликвидировать.

Несмотря на свою неграмотность и неопытность в деле управления, Азис Хан, будучи от природы энергичным и талантливым человеком, организовал у себя нечто в роде штаба и придал своему отряду правильную организацию и действовал по известному плану. Борьба с Азис Ханом продолжалась и временным правительством и англичанами, и добровольцами и деникинской армией. Эти же власти, борясь с Азис Ханом, часто снабжали его оружием и патронами, в надежде направить его на большевиков, давали ему отдельные поручения и даже обращались часто к нему за помощью.

В своей борьбе Азис был тверд и применял самые суровые меры расправы со своими врагами, не допуская полумер. Среди его отряда была введена высокая дисциплина и всякое неподчинение, а особенно продажа оружия, карались им расстрелом.

Только осенью 1919 года деникинские генералы успели захватить Азиса обманным образом и, арестовав его, отправили в тюрьму города Красноводска. Захватили его при следующих обстоятельствах. Обманом и лживыми обещаниями власти пригласили Азис Хана приехать на станцию Теджен, где обратились к нему с просьбой ехать в Байрам-Али к главнокомандующему добровольческими силами против „красных" для переговоров и выяснения взаимоотношений. Азис Хан прибыл на станцию Теджен со своим конвоем из отборных и верных ему людей, решительно не подозревая об обмане и готовящейся против него ловушки.

Азис Хану был оказан огромный почет и было предложено ему лично поместиться в отдельном, литерном вагоне, а конвою в другом, простом вагоне; Азис принял это, как знак уважения и спокойно разместился, как начальник отряда в литерном, а конвою приказал занять места в соседнем вагоне, прицепленном в хвосте поезда—последним. Вечером поезд тронулся со станции Теджен и железнодорожная администрация, по распоряжению власти, незаметно для Азиса, на глухой станции отцепила вагон с конвоем и оставила его на пути, а Азис уехал один в своем

литерном вагоне. Во время сна он был арестован и отвезен в Красноводск, где и состоялся над ним военно-полевой суд.

На суде Азис вел себя настолько рыцарски, что даже враги его и судьи преклонялись перед его мужеством и благородством. Он был приговорен к расстрелу и в нескольких верстах от Красноводска тогда же приговор был приведен в исполнение.

Во время расстрела Азис не позволил завязывать себе глаза и спокойно давал наставления палачам, как лучше и удобнее расстреливать. Он распахнул на себе халат, растегнул рубашку и указал, что нужно стрелять в сердце; держа руками растегнутую рубаху и указывая, где находится сердце, не моргнув ни одним мускулом, бодро стоял перед дулом винтовки. После него, отряд его был частью арестован, а частью рассыпался по аулам.

Азис Хан во время своей деятельности старался не трогать бедноты, а уничтожал, главным образом, видных лиц, эксплоатировавших народ в царское время, своих врагов и нападавших на него.

Кроме этих лиц, в эти смутные годы и во время гражданской войны, в Туркмении находились и другие подражатели Алла-Яра, Ходжа Кули Хана и Азис Хана, но мы их описывать не будем, т. к. достаточно и этих примеров.

Итак, к концу 1917 года, а именно в декабре, Советы Депутатов (Совдепы), при очень сложной обстановке, начали свое существование в Закаспии и повели борьбу со всеми пестрыми и темными силами и надвигавшимися со стороны Кавказа различными группировками и об'единениями белых и черных.

Борьба эта длилась до 18 июля 1918 года когда Совдепы вынуждены были сдать временно свои позиции под напором меньшевизма, поддержанного массами рабочих и особенно кизил-арватских мастерских, под главенством Фунтикова, Курылева, Юрасова, Белова и других.

Иомудский Карашхан оглы.

1927 года, 26 VII. Москва.

ПО ПОВОДУ ОЧЕРКА К. О. ИОМУДСКОГО.

(От редакции).

Основным грехом опубликованного очерка Карашхан оглы Иомудского является отсутствие в нем марксистского анализа революционных событий, происходивших в Туркмении. А отсюда—и все качества этого очерка.

Не вскрыты социально-экономические причины «спокойного» прохождения мобилизации 1916 года в хлопковых районах Туркмении и одновременного восстания по поводу этой же мобилизации в Красноводском уезде. Об'яснение восстания иомудов «безотчетным поступком канцелярского служителя, чикишлярского пристава Золотарева»—конечно, совершенно неудовлетворительно.

Совершенно неуяснены автором классовые корни тех «внутритуркменских распрей», которые начались в Закаспии в 1917 году. Иомудский видит причину этих распрей в хитрости и коварстве графа Доррера. На самом деле, Доррер только ловко использовал эти «распри», а истинной причиной их было столкновение двух классов: отмирающих остатков феодалов (формально возглавляемых Махтум Кули-Ханом и идейно вдохновляемых реакционным духовенством) и нарождавшихся национально буржуазных демократов (возглавляемых туркменским офицерством—в том числе Иомудским—и идейно вдохновляемых ими же и небольшой группой туркменской интелигенции). Ни тот, ни другой классы не пришли к власти в течение всего 1917 года.

Октябрь поставил ставку на трудовое дехканство. Но советский рабочий город, сам будучи слаб в окружении чиновничества и раз'едаемый эс-эрством, не смог раскачать безземельного и трудового аула, т. к. не имел приводных ремней к аулу, не было никаких кадров рабочих туркмен, связанных с дехканством.

Вот почему в июле 1918 года Советская власть не смогла удержаться в Закаспии и пала под напором контр-революции, которая на этот раз уже безошибочно сделала ставку на союз с усилившимся туркменским буржуазно-национальным движением.

Английская интервенция вызвала сильнейшую реакцию во всех классовых группировках Туркмении: рабочий класс вытравил в себе все следы увлечения эс-эрством, националисты подорвали себе всякий корень влияния в туркменских массах, беднейшее дехканство бросило винтовки, убедившись, что анти-советское движение является движением против коренных интересов бедняков, жаждущих земли и воды.

Черносотенная контр-революция, таким образом, была разбита Красной армией уже при полной поддержке рабочего города и трудового аула.

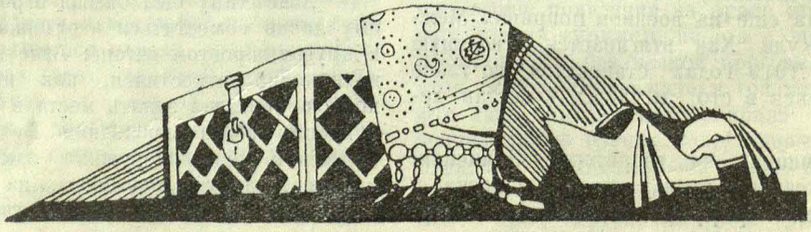
И судьбы туркменского народа сложились по другому, по Советскому, на этот раз уже всерьез и надолго. К власти были подняты силы рабочих и трудовых дехкан. Эта власть и привела нас к успехам X-тилетия

В работе К. О. Иомудского эта классовая революционная борьба совершенно не уяснена и даже искажена. Его описание 1918—19 г.г. не выдерживает никакой критики.

Но эти взгляды, что «в Туркмении, собственно говоря, никакой революции не было»—очень распространены. Даже многие коммунисты, особенно за пределами Туркмении, придерживаются подобных толкований.

X-тилетие Октября дало, наконец, нашим организациям в ТССР толчек к тому, чтобы всерьез приступить к изучению революционных событий, происходивших здесь.

В ближайших №№ нашего журнала мы сможем дать соответствующие материалы, которые и явятся необходимым ответом на существующие „упрощенные“ взгляды на революционную историю Туркмении.

3737302

1-й экз.

ТУРКМЕНОВЕДЕНИЕ

(TYRKMENISTANЬ ӨVRENIŞ)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИНСТИТУТА ТУРКМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ 1 (5)—6

Январь 1928

(год издания второй)

АШХАБАД

Р

3-х летие ТССР.

Революционный путь Туркменистана

(И о неправильном толковании темы „Туркмены и революция")

В. КАРПЫЧ

Задача туркменской историографии заключается в том, чтобы дать марксистский анализ исторического пути, пройденнного Туркменистаном от кочевого быта к социалистическому строительству.

Трудности туркменской историографии необычайно велики. Ведь до сих пор не только нет хотя бы какого либо наброска марксистского разбора истории туркмен и Туркмении, но даже не собраны и самые исторические факты, которые послужили бы черновым материалом для соответствующих выводов и толкований.

Это одинаково относится и к древней истории туркмен, и к новой—дореволюционной, и революционной.

Мы не имеем цельной работы об исторической жизни туркмен в древние времена, о маршруте их движения из центральной Азии до современных пунктов. Отдельные отрывочные указания, упоминания и справки о туркменах разбросаны по различным и многочисленным трудам востоковедов и туркологов. Но они не сведены и не систематизированы в самостоятельный обзор. Только в текущем году Туркменская республика надеется иметь подобную сводную исчерпывающую работу академика В. В. Бартольда в справочном издании „Туркменская ССР", подготовляемом ОКИСАР'-ом Академии Наук СССР по договору с СНК ТССР.

В области новой истории — от расселения туркмен по водным бассейнам современного Туркменистана до непосредственно-предреволюционных лет—также нет систематизированных работ. Наиболее полно, но, конечно, совершенно тенденциозно, ура-патриотично, описано завоевание Туркмении русским царизмом. Такие труды, как трехтомная работа ген. Терентьева, а особенно четырехтомная „Война в Туркмении" ген. Гродекова, со всей обнаженностью показывают варварскую сущность движения капиталистических „цивилизаторов" на Восток. „Туркмены — это черное позорное пятно на карте земного шара, которое надо уничтожить"—пишет Гродеков. И ясно теперь, почему „чистая наука" царских времен совершенно не интересовалась научным исследованием туркмен, их историей, положением и т. д. Только косвенным путем — изучением официальных материалов администрации—можно с большим трудом установить картину капитализации Туркмении и изменения производственных, а отсюда и бытовых отношений в туркменском ауле и народившемся городе.

Всего же неблагополучнее обстоит с революционным отрезком туркменской истории. 1905—1916—1920 г. г. совершенно не подвергались научному исследованию. О революционном движении в городах еще есть кое-какие литературные материалы, но тема „Туркмены и революция" впервые была затронута только в связи с X-летием Октября.

Если за прошлые времена мы можем жестоко ругать кого-то, то за ленивое исследование революционного периода, особенно последнего десятилетия, нам некого будет ругать, кроме самих себя.

Правда, мало, а по некоторым вопросам и совершенно нет материалов и документов. Трудно работать, изучать.

Но тем большую энергию мы должны развить по сбору косвенных материалов: воспоминаний, мемуаров, дневников и т. д. от еще живых участников и современников событий. Они помогут нам восстановить контуры событий. Предварительная публикация подобных материалов вызовет обмен воспоминаний, живую дискуссию по поводу толкований тех или иных событий и картина будет проясняться. Мы сумеем, в результате более или менее полного сбора сырого материала, дать научное марксистское исследование революционного пути, пройденного Туркменистаном.

Эта мысль была совершенно осознана в связи с приближением X-летия Октября, когда надо было дать массам четкую картину прошлого. Юбилей пришел, юбилей прошел, а нужной картины все еще не появилось. Ни одной брошюрки мы так и не могли выпустить о туркменском Октябре. Так пришла расплата за нашу недопустимую небрежность к научно-исследовательской работе в прошлые годы. Архивные органы в лучшем случае являлись мертвыми складами старых бумаг, т. к. ни в одном из них совершенно не велось научно-исследовательской работы, в худшем же случае (которых было гораздо больше) архивы и вовсе не охранялись, сгнивая в подвалах или на чердаках. Так погибла

масса ценнейшего материала по архивам Ср.-Аз. ж. д., военным архивам Закаспия, почти все парт-архивы до 1920 года!

Но одно серьезнейшее дело сделано для историографии Туркмении в связи с Октябрьским десятилетием: дана была фактическая возможность началу научного исследования. Впервые в ЦУАРДЕ'е и ИСТПАРТЕ учреждено по одной должности научного сотрудника, основан историко-краеведческий журнал „Туркменоведение" научно-исследовательского типа.

Теперь, в связи с III-ей годовщиной ТССР, когда снова, „спрос" на революционную историю Туркмении повышается, мы должны закрепить имеющиеся достижения.

В первую очередь это касается нашего журнала „Туркменоведение". Являясь с самого начала своего существования (а особенно теперь, с переходом в ведение Института Туркменской Культуры) научно-исследовательским журналом, „Туркменоведение" вынуждено было и будет помещать на своих страницах материал дискуссионного, а подчас и явно не марксистского порядка с тем, чтобы в конце концов собрать необходимые материалы по изучению края и в результате марксистского анализа и обсуждения этих материалов не только в пределах Турмении, скудной научными силами, но и силами Средней Азии и Союзных научных организаций, создать, наконец, подлинную историю Туркменистана.

Многим нетерпеливым людям очень хочется видеть с первой же строчки публикуемых материалов только истинно марксистское подлинно научное и законченно обработанное исследование. Надо прямо сказать, что это невыполнимое желание. Конечно, это не значит, что мы должны постепенно пережить всех своих туркменских „карамзиных" и „иловайских", чтобы добраться когда-нибудь до марксистских работников. Это только означает что надо немедленно и как можно полнее собрать и начрено опубликовать самые разносторонние материалы, которые послужили бы марксистам сырьем для соответствующих работ.

Журнал „Туркменоведение" и должен сыграть, в частности, роль собирателя этого фактического и разностороннего материала.

И к 3-летию ТССР мы не смогли еще, из-за полного отсутствия сырого материала, разработать тему „Туркмены и революция".

Но мы должны сегодня с еще большей энергией приковать наше общественное и научное внимание к данной теме.

Поэтому, сегодня мы даем здесь беглый набросок, только схему пути пройденного Туркменией, попутно опровергая те ошибки или явные искажения, которые даны в первой, опубликованной в нашем журнале работе на эту тему (см. ст. К. О. Иомудского в №№ 1 и 2—3 за 1927 г.).

I.

Три года тому назад, 20 го февраля 1925 года, в торжественной обстановке 1-го Всетуркменского С'езда Советов была принята декларация об образовании Туркменской Социалистической Советской Республики на основе конституции СССР и о вхождении вновь образованной Республики в Союз ССР.

Единогласным голосованием делегатов С'езда—рабочих, трудовых дехкан и трудящихся чарводаров-кочевников—было оформлено и закреплено для Туркмении великое историческое дело, начатое в Октябре 1917 года.

В туркменской стране, еще не знавшей своей истории, обще-туркменского национального об'единения и туркменской государственной власти, менее чем за X-летие был совершен гигантский „скачек" от государственного небытия „сразу" к *Туркменской Социалистической Советской Республике.*

„Не каррикатура ли это на марксизм?"—восклицают злосчастные лже-марксисты российско-меньшевистского и западно-социал-демократического толка.

— „Нет",—отвечает подлинный марксизм текущей эпохи—ленинизм.

Пример Туркменистана—живое воплощение известного ленинского тезиса, утвержденного II-м Мировым Конгрессом Коминтерна о том, что при существовании диктатуры пролетариата, хотя бы в одной из стран Запада, колониальный Восток может, минуя стадии капиталистического

развития, войти в русло социалистической революции, опираясь на помощь победившего пролетариата.

Туркменистан не переживал стадии феодального абсолютистского государства (как Хивинское ханство, или Бухарское эмирство, остатки отдельных узбекских ханств, пощаженные русским царизмом для показа миру „гуманной политики колонизации"), Туркменистан не успел пережить и стадии законченного буржуазно-национального строя (как Кокандская автономия 1917—18 г.г. или Бухарская Народная Республика 1920—23 г.г. на территории нынешнего Узбекистана).

Но это не значит, что туркменская государственность „сразу же" предстала перед нами в виде *Республики*, при том *Социалистической и Советской*.

История, как то „суровее" отнеслась к Туркменистану, и в каждой соответствующей стадии развития наростающие формы туркменского об'единения в самом зародыше безжалостно подрезались внешними более грандиозными событиями. Но тот или иной этап все же переживался в Туркмении, правда, каким то внутренним, чрезмерно ускоренным и внешне незавершенным путем.

II.

Каков же путь, пройденный Туркменистаном?

Прежде всего, надо разобрать: при какой социальной структуре очутились туркмены к моменту февральской революции 1917 г.?

Карашхан-оглы Иомудский пишет:

„Туркмены-номады-степняки-наездники тысячелетия кочевали по необозримым степям Азии и все и всегда пользовались полной свободой, не зная над собой ни власти, ни писанных законов. Община была родовой, обычай в общине создавался ими самими и удовлетворял их взглядам и потребностям; всякий, тяготившийся правопорядками общины, волен был уйти из нее в широкую степь и быть от нее независимым; никто не знал полицейского режима над собой и был свободен как ветер, а всякий нарушитель свободы другого встречал вооруженный отпор. Вся жизнь туркмена была окружена свободой, а потому его язык не нуждался в особом специальном термине для определения понятия „свобода"; кругом, сверху и снизу все было свободно от какого-либо давления, т. е. и воздух и пространство были пусты от чего либо давящего, а потому и понятие о свободе было связано с понятием пустоты и окружающей атмосфере туркмен от всего, могущего стеснять свободу его. Отсюда и оригинальное и характерное название для свободы—„бошлык"—„пустота".

Конечно, далеко не в таком идиллическо-пастушеском состоянии оказались на самом деле туркмены к началу 1917 г.

Царская власть и чрезвычайно энергичная деятельность русского капитализма почти за полвека управления туркменской землей коренным образом перевернули весь уклад туркменской общины

Только разве в народных песнях остались „туркмены-номады", „свободные-степняки наездники" да такое положение, что и „кругом и сверху, и снизу все было свободно от какого бы то ни было давления".

На действительной же нищей туркменской земле никакой такой идиллии уже не существовало десятки лет.

Резко диференцировались туркменские экономические районы, властно втянутые в сокрушающий всякие прадедовские обычаи процесс капитализации, резко диференцировались классовые прослойки в ауле и городе.

И потому неодинаково проходили в Туркмении предреволюционные и революционные годы для различных районов. Неодинаково реагировали

на предреволюционные и революционные события и различные слои туркменского народа.

Закаспийская область, непосредственно управляемая русским колонизаторским аппаратом, связанная с Россией железной дорогой через Оренбург и морским путем через Каспий, явилась наиболее доступным для капитализма об'ектом применения всех его сил. События внутри Туркмении развивались очень медленно, но события, происходящие вне ее, делали возможным „досрочное" вызревание Туркмении к восприятию революции—с одной стороны и к какому то „абортивному" прекращению формирования некоторых внутри-туркменских событий—с другой. Разберем первый такой пример и случай „абортивного" прерывания медленного туркменского развития во имя скачка вперед: до завоевания центральной Туркмении (Закаспия) русским царизмом, туркмены тогда (действительно „номады-наездники-степняки") только что расселились по водным бассейнам Копет-Дага, Теджена и Мургаба. Расселение производилось при междуусобной межплеменной войне; друг у друга отбивались оазисы. На время войн, походов, аламанов, самый сильный, храбрый „всенародно" избирался „ханом", „сердаром". По окончании боевого дела, общество снова превращало избранника в рядового участника аульной жизни, управляемой адатом и шариатом, толкователями которых были ишаны, не вмешивавшиеся обычно в боевую жизнь.

Движение русских царских войск толкнуло было к форсированному установлению абсолютистской ханской власти в центральной Туркмении. Нур Верды-хан становится впервые всетуркменским ханом, организуя об'единенную защиту Ахала и Мерва от наседающих колонизаторов. Разгром туркменской защиты русскими войсками явился разгромом и возникавшего было туркменского ханства.

Но царская власть, желавшая „приучить" туркмен к России, находит в лице этих нецарствовавших „ханов" и их ближайшей прямой родни первых агентов политики „приручения". Царская власть, не скупясь утверждает в ханском звании представителей „ханских фамилий" из различных племен: для ахальских теке таким является Махтум Кули-хан (сын Нур Верды-хана) и его братья и дети, для мервских теке—Юсуп-хан (отыскивается даже вдовствующая „ханша", живущая между Байрам-Али и Мервом), для иомудов—Николай Николаевич хан Иомудский (с достаточной энергичностью продвигавший вопрос о получении этого звания). Вплоть до отдельных влиятельных родов в туркменских племенах появились „ханы"-аристократы.

Царская администрация создает для „утвержденных ханов" такие привиллегии, о которых и не мечталось их отцам во время подлинного, хотя бы часового ханствования: выделялись особо крупные земельные наделы за счет урезок водных паев у трудового населения, давались номинальные назначения на должности по управлению местным населением с высокими окладами жалования (так с 1884 г Махтум Кули-хан назначен номинально начальником Тедженского округа с годовым окладом в 2.500 р.), делалось производство в офицерские чины с мишурой эполет, медалей и т. д., назначались пенсии, дети отправлялись на обучение в кадетские корпуса и т. д.

Таким образом, в ауле старательно насаждалась родовая знать, которая, конечно, целиком находилась во власти ближайшего пристава, но, увлекаясь мишурой и блеском своей „именитости", становилась хорошим проводником царской колонизации края.

Эта деятельность царской администрации внесла в аул не только ханскую декоративность. Родовая знать обрастала землями, ей „в дар"

передавали и многие паи воды, у ней появлялись многочисленные и тучные стада. Нарастали крупные землевладельцы помещичьего типа

От туркменской идиллии „номадов-наездников" в ауле оставались старинные песни, а живая жизнь представлялась уже в виде растущих и крепнущих помещиков-полуфеодалов.

Еще более энергично шла дифференциация аула другим путем: путем роста торгово-ростовщического капитала. Развитие хлопководства вызвало к жизни целую армию скупщиков и перекупщиков хлопка, аульных ростовщиков, крупных баев, кулаков с многочисленным батрачеством.

Разорявшаяся беднота, безземельные из года в год увеличивались в количестве Начинался напор разорившейся бедноты на город, шедшей туда в поисках работы.

Наконец, к началу военного ажиотажа с хлопком 1914—16 г.г. в Туркмении зародились и промышленники-туркмены (заводчики—Батмановы в Мерве, Алихановы—в Ашхабаде и т. д.).

К тому же моменту образовались и первые кадры городской туркменской интеллигенции, прошедшие русские школы, службу в русской армии или несущие те или другие функции в городской жизни.

Такова, в совершенно общих чертах, социальная картина „туркменской общины" Закаспия в предреволюционный период.

Несколько другую картину представляли туркмены хивинские. В 1873 г. ген. Кауфман произвел подлинно генеральский погром хивинских туркмен под предлогом защиты и помощи хивинскому хану Вводя русские гарнизоны в Хиву, он хотел окончательно превратить ее в вассальную единицу России. Цель была достигнута. Хива была „незаметно" покорена, а вечно бунтующие туркмены раздавлены жестоким походом по кишлакам с огнем и мечем.

Отброшенные снова к маловодным устьям общих с хивинцами арыков туркмены не могли поднять головы более чем полстолетия.

Но за этот срок снова прикопилась „силушка". Капитализация в Хиве вызвала несколько иные формы социальной дифференциации туркменских аулов. Оторванные от железнодорожной артерии капиталистического царского мира хивинские туркмены сохранили почти нетронутой свою внешне-родовую структуру. Здесь родовой вождь не гонялся за номинально ханским титулом. Он и без этого прибирал к рукам „плохо лежащие" земли разоряющейся части аула. Он и без того был главным ростовщиком для своего рода, главным скупщиком и контр-агентом в деле сбыта хлопка и семян люцерны вверх и вниз по Аму-Дарье. В Хиве вся почва питала абсолютистские элементы. И там должен был повториться рецидив возникновения туркменских подлинно ханских устремлений.

В Бухаре туркмены оказались более всего обезличенными и национально приниженными. Туркмены, завладевая правым берегом Аму-Дарьи от Чарджуя к Керкам и вплоть до Афганистана, оказывались здесь в наиболее трудных экономических условиях малоземелья, чрезмерной сложности получения аму-дарьинской воды путем накачки чигирем и рытья огромных арыков. Туркмены, побеждая бухарские пространства, оказались побежденными бухарской культурой и идеологией мусульманского центра. Бухарские туркмены к революционному периоду в некоторых районах начинали уже терять свое национальное лицо, ассимилируясь среди бухарского (узбекского) населения. Здесь было полное господство феодалов-беков во главе с типичным восточным деспотом—бухарским эмиром, а в ауле - байства на основе крупного землевладения, приобретаемого на прибыль от скупки—перекупки хлопка и каракуля.

И так не было ни одного района где осталась бы старо-туркменская „идиллия" номадства. Даже чисто скотоводческие кочевые районы не из-

бежали капиталистических судеб: крупные скотоводы с каждым годом все больше поглощали мелких чарводаров, превращая последних в своих батраков-пастухов.

III

Предреволюционные события в Туркмении начинаются с 1915 года восстанием в Хиве так называемого Джунаид-хана, поднявшего хивинских туркмен на свержение хивинского хана. В этом стихийном движении масс вылилось все вновь накопленное полувековое недовольство туркмен хивинским режимом. Ханская власть пускала туркменам воду по следующему принципу: „не давать слишком много, чтобы не зазнались, не давать слишком мало, чтобы не взбунтовались".

Хивинские события вызвали новый кровавый жестокий погром ташаузских туркмен. Карательный поход ген. Галкина покрыл пожарищем и трупами повстанцев весь огромный район.

Об'ективно туркменское восстание в Хиве имело некоторое революционизирующее значение для остальной Туркмении.

Но суб'ективно джунаидовщина ни в коем случае не несла в себе революционных идей. Джунаид—яркий пример вырастания на хивинской почве элементов абсолютизма. Свергнув хивинского хана, Джунаид в конце концов сам на некоторый период садится на его престол и ведет ту же реакционную линию восточного деспотизма. Вокруг, в дальнейшем, развернулись уже яркие революционные события, а Джунаид по прежнему продолжает добиваться своего—ханской власти над всей Хивой, об'единяя вокруг себя все реакционные силы, всю родовую знать Ташауза—этой подлинной туркменской Вандеи.

Только что произведена расправа над ташаузскими (хивинскими) туркменами, как по всей Средней Азии вспыхивает известное восстание 1916 года.

Какой-то полной наивностью является описание К. Иомудским этих событий в Туркмении.

Он пишет, что во всей области „набор туземцев" прошел совершенно благополучно и только в Красноводском уезде „одним неразумным действием" чикишлярский пристав Золотарев вызвал кровавые события.

На самом деле события происходили не так просто.

Уже с самого начала войны 1914 г. администрация Закаспийской области вынуждена была принимать ряд мер против тревожных настроений и слухов, распространявшихся в населении. Вынуждены были даже приступить к изданию небольшой туземной „газеты" на туркменском языке под редакцией русских чиновников. В дальнейшем, в тюрьмах Мерва и Ашхабада уже сидели арестованными „панисламисты", „как агенты германо-турок" и агитаторы-сеятели „внутренней смуты".

И вот, уже при наличии таких настроений. Закаспийская область встала перед фактом мобилизации 15.000 туркмен в возрасте 16—31 лет.

Во многих уездах с получением приказа удалось подговорить преданных царской власти аульных старшин, чтобы списки составлялись „добровольно" самим населением. Но в том же июле на заседании у начальника области пришлось констатировать, что население повсюду отказалось от составления списков. Пришлось мобилизацию проводить по официальным нарядам.

Совещание также постановило подготовиться к возможным эксцессам: „так как имеющихся в закаспийских гарнизонах войск недостаточно, просить генерал-губернатора о немедленном командировании двух сотен казаков с пулеметами: одну в Мерв, другую в Теджен".

18-го июля область об'явлена на военном положении.

Из Ташкента телеграммой 21-го июля передавалось: „производить военную прогулку по туземным городам, с целью благоприятного воздействия на умы, а также на случай применения карательных и принудительных мер".

15 000 распределялись так: Мангишлакский уезд должен был поставить 3.240 человек, Красноводский—1.960, Асхабад 2.500, Теджен—2.300. Мерв—5.000. Кроме того, с каждого уезда 10% излишков на случай заболеваний и поставки несоответствующих возрастов. Итого—16.000 человек.

Началась вакханалия со списками. Лица, внесенные в списки, во многих случаях не знали об этом. Появились случаи сопротивления.

8-го августа получено первое сообщение начальника Тедженского уезда о начавшемся брожении. 6 агитаторов в Теджене арестовано.

Того же числа начальник Красноводского уезда сообщает, что в аулах самовольно собираются сходы, которые постановляют „рабочих не давать". 6-го сентября Красноводский уездный начальник донес о начавшемся вооруженном сопротивлении иомудов.

По ходатайству хлопковых районов набор с лета был перенесен на осень. И все же в первые дни произошли конфликты.

В день первой отправки мобилизованных (1-го октября) вспыхивают беспорядки, т. е. вооруженные стычки в Серахсе, где они продолжаются два дня.

В Теджене с 5-го на 6-е октября также вспыхивает вооруженная стычка. Здесь туркмены идут на захват города, перестрелка происходит уже в самом городе. Только провокация и предательство изолируют это движение.

С сентября из Красноводского уезда начинается массовое бегство иомудов в Персию.

Движение передается в Кара-Кала, откуда эмигрируют сотни кибиток геокленов.

Для усмирения восставших иомудов посылается карательная экспедиция ген. Мадритова.

В остальных местах расправлялись „домашними средствами".

Таким образом, мы видим, что буквально повсеместно началось брожение.

В Мерве и Асхабаде удалось избежать столкновений только потому, что в этих наиболее развитых хлопководческих и капитализированных районах верхушка хлопковиков—с одной стороны—была крайне заинтересована в мирном улаживании конфликта (надо было собирать хлопок), с другой стороны—здесь была наибольшая масса безземельных и бессемейных дехкан и батраков, которых удалось просто купить хлопковикам, т. к. этим тысячам бедноты нечего было терять на своей родной земле, кроме тяжелой кабалы байства.

События 1916 года в Тедженском и Красноводском уездах зародили загнанное с кровью внутрь повстанчество, а из Мерва и Ашхабада были сформированы тысячные отряды будущих участников гражданской войны.

Отсюда ясно, что в гражданской войне революционых лет туркмены принимали участие не в слепую, как об этом пишет К. Иомудский, а сознательно, становясь на сторону „большевых" или „меньшевых".

IV

Какие социальные силы туркмен были разбужены революций 1917 г.?

Первыми откликнулись городские элементы: зародившиеся промышленники, торговцы, интеллигенты, начиная оформлять буржуазное националистическое движение.

Но при своей малочисленности, малоорганизованности и полной политической неопытности, буржуазные националисты действовали настолько медленно, что за это же время успели раскачаться и представители реакционного аульного кулачества, духовенства и родовой помещичье-ханской знати.

Городское буржуазно-национальное движение, вербуя своих сторонников в ауле, своими основными лозунгами выставило: светское просвещение по новой „джадистской" системе без одурманивающей долбежки корана муллами и национальное об'единение всех племен под руководством „передовых просвещенных сил" города.

Духовенство видело, в этой агитации буржуазных националистов начало конца своей идеологической монополии.

Родовая аристократия увидела реальную угрозу своим привиллегиям и всемерно сопротивлялась об'единительному лозунгу националистов. Свое спасение она искала в сохранении родовых и племенных перегородок, за которыми они—невежественные и консервативные—только и могли сохранять свое „ханское"—достоинство.

Аульная масса, только на время поддаваясь влиянию буржуазно-националистической агитации, все же была в цепких тенетах духовенства и помещичьей знати.

В этом столкновении двух классов и заключается весь смысл „внутри—туркменских распрей", происшедших на первых всетуркменских с'ездах, о которых пишет К. Иомудский в своих воспоминаниях.

Агенты временного правительства (Доррер и др.) только ловко использовывали имеющиеся трещины, чтобы „раз'единяя властвовать".

Наконец, результаты внутритуркменской борьбы стали определяться.

К осени 1917 г. восторжествовала буржуазно-националистическая группировка, возглавляемая, главным образом, туркменским офицерством. Реакционно-помещичья группа распалась на родовые группировки. И ни духовенство, ни „ханы" не могли сами разобраться в обстановке, создать нужное им направление и лозунги во все усложняющейся политической обстановке. Они замкнулись в скорлупе своей аульной жизни и отрешились от политики.

Во всем Туркменистане национально-буржуазное движение окончательно оформилось только к моменту Октябрьской революции. В ответ на создание в Ташкенте Совнаркома, в Коканде было сформировано Кокандское автономное правительство, включившее в своей состав представителей промышленников, банкиров и офицерства.

Лозунги Кокандской автономии в Туркменистане к тому времени еще не охватили сколько нибудь значительных слоев местной буржуазной национальной группы, хотя „представитель туркмен" и был включен в состав Кокандского правительства. Потребовалось еще полгода, чтобы туркменские буржуазные националисты попытались поднять массовое движение в ауле за свои лозунги.

Но столкновение с возникшей в Асхабаде областной советской властью начались тотчас же после Октября.

Закаспийский Совнарком начинал прощупывать почву в ауле. Был созван I й дехканский с'езд, который впервые поставил вопрос об аграрной революции в ауле. Из туркмен—бедняков, прибывших с тыловых работ, был сформирован первый красногвардейский отряд.

Националисты выставили лозунг „параллельной власти": советская власть об'являлась русской властью и она должна была управлять городами, а для аула надо было создать параллельную туркменскую власть.

Опорой националистического движения в Закаспии явились туркменские кавалерийские дивизионы, сформированные еще царской властью, расположенные в ауле Кеши в нескольких верстах от Асхабада. В нашем Центроархиве сохранилась толеграмма, посланная туркменским комитетом в ставку главнокомандующего действующей армии на германском фронте с требованием прислать оставшийся на фронте туркменский кав. дивизон.

Явно готовилось повторение Кокандской автономии.

Потребовалось прибытие из Ташкента сильного красногвардейского отряда в феврале 1918 г. во главе с председателем Совнаркома тов. Колесовым для выяснения создавшейся обстановки и принятия немедленных мер.

На требование Совнаркома о разоружении туркменских кав. дивизионов последовал отказ. По Кеши было дано несколько орудийных выстрелов. Дивизионы разоружились. Главари туркменских националистов скрылись.

Этот инциндент явился отправным моментом развившейся со стороны националистов антисоветской агитации.

И вот, к моменту эс-эровского восстания в Асхабаде в июле 1918 г. аул был подготовлен и спровоцирован к поддержке этого контр-революционного мятежа Началась массовая вербовка туркмен в повстанческие эшелоны. Асхабад, Теджен, Мерв, Байрам-Али влили несколько сот вооруженных туркмен в русло белогвар ейского движения. Эс-эры установили связь с бывшими деятелями националистической группы. В Безмеине был созван „всетуркменский с'езд", на котором была декларирована поддержка антисоветского движения, а также „демократически" утвержден главнокомандующим закаспийским белым фронтом полковник Ораз-Сердар.

Так началась волна националистической контр-революции Туркмении, переплетенная с явно реакционным белогвардейским движением, а вскоре и с английской интервенцией.

Первое же кровавое столкновение с Красной армией отрезвляюще подействовало на рядовую туркменскую массу, втянутую в борьбу.

Обещанная легкая победа над большевиками не удалась. Надо было вести длительную войну, а она заставила обдумать создавшееся положение.

Одумавшись же, масса увидела босцельность борьбы. Большевиков, начинавших было шевелить аул земельными вопросами, у власти заменили старые офицера и царские администраторы, снова „подтянувшие" „распустившиеся аулы". Английские штыки и сипайские батальоны ничего ровным счетом не обещали доброго. А вскоре пошел и полный разгул самой черносотенной реакции, снова превратившей аул в подавленную колонию.

Националисты сами подрезали сучья, на которые даже не успели и усесться.

Английская оккупация, переговоры о переходе Туркмении под «протекторат» Англии, полное игнорирование туркменских чаяний со стороны белогвардейского правительства.

Националистическое движение завяло, не успев ни оформиться в какое либо туркменское правительство, ни пустить глубокие корни, ибо и почва подсохла, в результате начавшейся хозяйственной депрессии края.

Так история, некогда оборвавшая процесс формирования туркменского абсолютистского государства, подрезала и национально-буржуазное формирование.

V.

Победа Красной армии принесла Туркмении новую эпоху развития. Установившиеся органы советов после ликвидации фронта были уже не первыми беспомощными советами 1918 г.

VIII-й с'езд ВКП(б) внес ясное представление и в крестьянский и в национальный вопросы.

Прибывшие в Туркменистан после соединения с центром политические силы, дали твердое направление политической жизни страны.

В 1921 году Закаспийская область была переименована в Туркменскую. В 1920 году был свергнут в Бухаре эмир, а в 1923 году в областях Бухары, населенных туркменами, были проведены первые с'езды туркменских советов. В Хиве в 1921 году было также покончено с ханской властью.

В 1924 году произошло национальное государственное размежевание Средней Азии. Туркменские районы Хивы, Бухары и Закаспия об'единялись в Туркменскую ССР.

Так интернациональная диктатура пролетариата помогла оформиться нации, придав последней новое содержание.

Так социалистическая революция Октября, творя социалистическое переустройство полу-кочевого полу-родового быта Туркмении, попутно и быстро завершила в ней и задачи несостоявшейся буржуазно-национальной революции, быстро продвинув Туркмению по пути социалистического строительства.

Эту задачу смог совершить только рабочий класс, установивший блок непосредственно с трудовым и в первую очередь с беднейшим дехканством и далеко отшвырнув от политической жизни всех буржуазно-националистических деятелей.

VI.

К III-х летию ТССР мы можем подвести некоторые итоги социальной реконструкции аула:

Ни в центральных районах Туркмении, ни в Ташаузе, ни в бывших бухарских районах нет и остатков помещичье-родовых землевладений.

Асхабад, Мерв, Теджен покончили с ними путем земельно-водной реформы. Земля и вода переданы бедноте и безземельному ранее батрачеству.

В бывших хивинских районах владения родовых вождей также ликвидированы. И только в глубоких песках скрывается недорезанная революцией разбойничья шайка Джунаида. Но и ей приходит конец. Жалкий осколок феодальных потуг „ханов"—Джунаид сжат в кольцо.

И в бывших бухарских районах (Чарджуй, Керки,) брошенные земли знатных беков и крупнейших „князей"—духовенства, бежавших с эмиром бухарским, использованы беднотой.

Крупные ирригационные сооружения расширяют орошаемую земельную площадь Туркмении и помогают побороть безземелье и малоземелье, в котором до сих пор задыхается сельское хозяйство Туркменистана.

Политика же советской власти в кредитной, колхозной, кооперативной и других областях создает, выращивает из года в год элементы социалистического переустройста аула.

Остатки буржуазно-националистических тенденций в Туркмении переносятся в настоящее время в область идеологической борьбы.

Но и здесь эти остатки будут биты, как они биты всем ходом революционного движения Туркменистана.